

Синицын Игорь Васильевич

Северная корона

16+

Игорь Сiniцын

Северная корона

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Синицын И. В.

Северная корона / И. В. Синицын — «ЛитРес: Самиздат», 2011

Современный мир с его высоким уровнем жизнеобеспечения, казалось бы, гарантирует человеку счастливую жизнь без всяких забот, по крайней мере, без трагедий. Но в наше реальное существование вторгаются силы, нарушающие беспечную гармонию бытия, и человек часто проигрывает в борьбе с этими силами. По-видимому, никакой прогресс, никакая цивилизация не могут противостоять роковой предопределенности наших судеб. Роман рассказывает о трагической профессиональной ошибке врача, за которую он, однако, не может нести ответственность.

© Синицын И. В., 2011

© ЛитРес: Самиздат, 2011

«Страшно впасть в руки бога живаго...»

Ф.М. Достоевский

Ему еще никогда не приходилось видеть такого пустынного пейзажа. По обе стороны узкого шоссе возвышались холмы, абсолютно голые, одинакового бежевого цвета. По протяженности они соперничали с ярким, чистым небом, нависшим над ними. Пространство было хорошо обозримым, как море, особенно когда дорога поднималась на очередной перевал и тогда, сколько хватало глазу, была видна эта странная земля, плотно сбитая в твердые, мощные холмы. К концу марта снег уже повсюду стоял, сохранившись лишь в придорожной дренажной канаве или на вершинах особенно высоких, дальних холмов. Что-то мешало признать в них горы, хотя холмы были довольно высоки, и склоны изрезаны глубокими кулуарами, но отсутствие скальной породы и всякой растительности на высохшей, пропыленной почве не позволяли допустить такое сравнение. Покров этот напоминал истертый плюшевый штоф на старых креслах театрального партера.

Они проделали уже около ста километров пути от Уланбатора, оставаясь совершенно одни в этом новом мире. Для него новом. Петр, сидевший за рулем джипа, уже лет шесть ездил в Монголию, в командировки от своей фирмы «ИВС» – Изготовление, Внедрение, Сервис – фирма поставляла на комбинат в Эрдэнэте дробильные и флотационные машины, но и он был восхищён, как впервые увиденным, этим миром. Несколько раз он восторженно призывал оценить красоту, открывавшейся перед ними ломкой панорамы холмов с заснеженными вершинами. Довольно часто на глаза попадались стада овец, коров или яков, табуны лошадей, сопровождаемые не сразу заметным пастухом-верховым, закутанным в изношенное тряпье, так что поначалу всегда казалось, что животные предоставлены сами себе. И что они могли найти в пищу на этих пустых склонах? Пыль, камни и собственное старое дерьмо.

– А это что? – спросил он у Петра, указывая на сваленные в груды камни с воткнутым шестом, на котором развевался лоскут ярко-синей материи. Уже не первый раз они проезжали мимо таких сооружений на обочине.

– Овоо – ритуальная горка. Сюда приходят, полагается принести с собой камень, ходят вокруг, поминают духов, пьют архи – водку.

Нельзя было представить себе тотема проще, чем эта трепещущая на ветру матерчатая грива, чей синий был ярче неба. Красота, заключенная здесь, состояла не только в гармонии с окружающим миром – та же аскетичность, ничего лишнего... но и в самой возможности понять и принять эту красоту. О наивном пристрастии монголов к такого рода вещам можно было судить еще и по тому, как много он увидел на улицах Уланбатора машин, с прикрепленными на капоте красными флажками – для красоты, а не как дань коммунистическому прошлому.

Они прилетели в Уланбатор утром. Перелёт из Шереметьево на «Боинге» монгольской авиакомпании «МИАТ» занял семь часов. В аэропорту, вполне современном, международного класса, с указателями на английском, с вышколенным персоналом в красивой униформе их встретил сотрудник «Росцветмета» – знакомый Петра, связанный с ним по работе, русский. Усевшись в джип, они покатали в город. Окраины Уланбатора – это еще один город – юрточный. Здесь всё говорило об отчаянной, закоренелой бедности и, пожалуй, о нежелании что-либо улучшать в своей жизни. Подворья, огороженные сплошными, дощатыми заборами, и сами юрты, бывшие изначально белого цвета, – всё было пропитано, изъедено серой сухой грязью. Никаких дополнительных построек на участках не было – только юрты. Жидкие дымы над железными трубами добавляли не только смога, но и уныния в утреннюю картину предместья.

Центр города тоже не производил благоприятного впечатления, хотя попытки осовременить столицу были видны – несколько высотных зданий из стекла и бетона – банковских офи-

сов резко контрастировали с невзрачными постройками эпохи социализма. Вдоль улиц тянулись нескончаемые ряды обшарпанных ларьков с кустарно наклеенными вывесками, давно заслуживших, чтоб их снесли. Выехав на центральную магистраль, они попали в пробку. Улица с движением в три полосы была запружена машинами – джипами всех мастей, легковушками, преимущественно корейского и японского производства, встречались и российские марки, но редко и старые. Хаосом уверенно управляли полицейские, в которых не было недостатка. Черные мундиры, пересеченные белой лаковой портупеей, очень шли их смуглым, властным лицам. Издали он увидел мавзолей и конную статую Сухэ-Батора посередине голого квадрата площади; потом слева потянулся сквер, и вскоре, проехав мост через высохшее русло городской речушки, они свернули налево и, оказавшись на другой стороне магистрали, остановились у чугунной ограды, за которой находились офис Монголросцветмета и четырехэтажный дом, где жили сотрудники, а между ними, выделявшийся своей старинной архитектурой, одноэтажный особняк представительства Зарубежцветмета, когда-то там размещалась ставка Жукова. В жилом доме «ИВС» арендовала для себя апартаменты на верхнем этаже. Асфальтированный двор за оградой был пуст и чисто выметен. Парадная дверь запиралась на ключ. Пыхтя, они затащили багаж в квартиру, и Петр, достав из сумки ноутбук, сразу убежал в контору по делам, а он занялся своим туалетом. Окна кухни выходили во двор, а из спальни были видны магистраль, постройки и совсем вдали холмы, в кольце которых и лежал Уланбатор. Через час позвонил Петр. Он заканчивал свои переговоры в конторе и велел ему собираться, выносить вещи и ждать на улице.

Дул очень холодный ветер, и ярко светившее солнце несколько не приносило тепла. Чувствовалось, что это был один из первых дней весны в городе, когда освободившийся от снега асфальт кажется особенно пыльным и сухим, когда городской пейзаж зияет пустотами и голые деревца похожи на саксаулы. Какая-то женщина, входя через стальную калитку во двор, поздоровалась с ним, как с представителем русской диаспоры. Он с любопытством рассматривал прохожих – многие пожилые монголы были одеты в дэли, но молодежь одевалась по-европейски. Чёрные волосы первоклассниц, горластой стайкой пробежавшей мимо, очевидно, поблизости была школа, украшали пышные белые банты, словно обязательный аксессуар униформы.

Им предстояло еще обменять валюту, после чего ничто больше не удерживало их в городе. На выезде из Уланбатора Пётр остановил машину и предложил переодеться. «За Дарханом такая пылица будет...» Стоя на обочине, Серов переоблачился в теплый спортивный костюм, не стесняясь проезжавших мимо машин. Он почему-то чувствовал, что Азия позволила ему не соблюдать приличия в некоторых вопросах.

«Дорога у нас еще долгая впереди, поэтому предлагаю подкрепиться. Василич, ты когда-нибудь пробовал чёрный суп? Из баранины. Я всегда здесь останавливаюсь, когда в Эрдэнэт еду – традиция.»

Невысокое здание у дороги служило мотелем или просто постоялым двором с закусочной. Они были не единственными, кто завернул сюда – на площадке перед входом разместились микроавтобус «Тойота», две легковушки и страшно раздолбанный, старый советский грузовик. Дверной проём из тамбура был завешен плотным цветастым одеялом, так что собственно двери и не было. Проникнув за одеяло, они попали в просторный, ухоженный зал кафе. Негромко звучала музыка. За стойкой у стены хозяин заведения – коренастый монгол лет тридцати пяти, с потным лицом человека, обремененного заботами о своем бизнесе, принимал заказы. На черной, вертикально поставленной, доске мелом было написано меню. На полках за спиной хозяина в изобилии красовались напитки на любой вкус. Сделав свой заказ – «хар шол», они расположились за столиком у окна. Мебель «столовая» – и столики, и стулья на черных железных ножках-прутьях, но всё опрятно. Столы украшали вазочки с крошечными букетиками цветов, по стенам развешаны простенькие картины с монгольскими пейзажами, где на каждой мощно

доминировал голубой цвет неба. Из-за больших размеров кафе казалось почти пустым. Внимание привлекал, сидящий в одиночестве за соседним столиком, старик – высокий, худой, с очень смуглым, столетним лицом, изрезанным глубокими, протяженными морщинами. Одетый в новенькое, с иголки, коричневое дэли, на голове широкополая ковбойская шляпа, тоже коричневая, в тон. Старик курил трубку с тонким, как тростинка, длинным мундштуком, и слезящиеся глаза его радостно улыбались. Он смотрел прямо перед собой, пытливо вглядываясь в современный мир, и находя его лучше прежнего. Всё в его облике вызывало почтение. Богатое дэли, монгольские кожаные сапоги с загнутыми кверху, острыми носами, ярко-желтый кушак – все было по-праздничному чистым, без единого пятнышка. Глядя на этого старика в национальном наряде в обстановке вполне европейского кафе, Серов впервые за сегодняшний день ощутил странную, не вполне понятную ему самому, гордость за этот народ, о котором раньше знал лишь в общих чертах.

Хрупкая девушка, еще почти ребёнок, принесла заказ – две тарелки с «чёрным супом» и лепёшки, оказавшиеся пресными и безвкусными. Суп – сплошное мясо, мелко нарезанные кусочки баранины в прозрачном бульоне, сытный настолько, что о втором блюде думать не хотелось. Трапезу завершили фруктовым чаем.

Выйдя на воздух, щурясь от слепящего солнца, он обратил внимание, что пейзаж здесь был несколько иным. Высокие холмы напротив, покрытые темным, хвойным лесом, отдаленно напоминали Шварцвальд. «Прекрасное место для горнолыжного спорта. Правительству стоило бы подумать о развитии горного туризма – неплохая статья дохода для бюджета страны». Метрах в пятидесяти виднелась дощатая будка туалета, он направился туда, но войти в нее не представлялось возможным, внутри всё было загажено, так что опять пришлось пренебречь приличиями...

Проехав еще сто километров по точно такому же холмистому и пустынному ландшафту, они свернули у Дархана на дорогу, ведущую в Эрдэнэт. За мостом через речку с мутной, бурлящей водой, наполовину освободившейся ото льда, шоссе заканчивалось, и дальше предстояло продвигаться по степному бездорожью – или как душе угодно, или, используя накатанные тропы. Разницы не было – везде под колёсами плотная, иссохшая, каменистая земля плоскогорья, и так все двести километров до Эрдэнэта. В машине становилось жарко, солнце нагрело салон, и раскрасневшаяся Петькина физиономия увлажнилась от пота, как и взлохмаченные, коротко остриженные каштановые волосы, начинавшие редеть.

– Если устал, давай я поведу.

Пётр отрицательно мотнул головой и в очередной раз вставил кассету с бардовскими песнями в магнитоу. Машину бросало на кочках из стороны в сторону.

– Хорошо, что у нас камней в почках нет. После такой болтанки непременно бы сдвинулись с места и дали о себе знать.

– Ты мог бы остограмиться там, в кафе... скрасить эту чертову езду. Ну, ничего – приедем, и там нас будет ждать холодильник, забитый выпивкой и закуской. Юра всегда заботится о своих гостях.

«Да, он – гость. Личный гость Ю.А. – первого заместителя генерального директора совместного монголо-российского горно-обогачительного комбината «Эрдэнэт». Предприятия, добывающего медь и приносящего Монголии основную часть валютных поступлений, – флагман экономики страны. Познакомил их Пётр. Три года назад Петя попросил прооперировать жену Ю.А. Чаловы как раз в то время купили квартиру на 7-ой линии Васильевского острова и приехали в Петербург по своим делам. Вот так и познакомились – гуляли у Нестеровых, когда Иру выписали после операции. Потом, как-то раз во время своего очередного визита в Питер, Ю.А. пригласил их прокатиться за город, полюбоваться штормом в зимний вечер. В районе Дюн они выехали к заливу. Все было чёрным – небо, тучи, мечущиеся волны, гонимые бешеным ветром к берегу, покрытому обрывистым льдом и снегом. Одет Ю.А. был не по сезону –

плащ, какая-то шапчонка легкомысленная... вообще, он не производил впечатления человека, чья должность практически соответствовала рангу министра. – спортивного вида, среднего роста, озорник и матерщинник. Ю.А. младше Серова на восемь лет, то есть ему сорок пять, он ровесник Наташи. Прогноз у воды, они решили завернуть в ресторанчик напротив платформы Александровка. В тот вечер с ними была Верка. Она впервые очутилась в ресторане, вела себя хорошо, не баловалась, спокойно грелась у камина.. А Сашки с ними не было, и он не помнит почему? Хорошо посидели тогда, уютно. За столом Ю.А. вспоминал какой-то рассказ Бунина про мужика, которого купцы на спор подпоили в кабаке, и он шёл потом за солнцем, возвращаясь домой... Не помнит он такого рассказа у Бунина. Юра почему-то был в восторге от сюжета. Ездили они тогда на двух машинах. За рулём юриной был его старший сын – Вася, а петькину «девятку» вела его дочь – Катя. Пока сидели в ресторане, маленькая Верка всё время была с ней рядом. Конечно, каждому охота потискать пятилетнюю, упитанную малышку.

И вот сейчас Ю.А. пригласил его в Монголию – посмотреть, а там, может, и надумает перебраться сюда работать, хирургом в медсанчасть комбината, на очень хорошую зарплату. Жить на подачки пациентов надоело, заработок этот ненадёжен и случается достаточно редко, и, в общем, унижен. Пожалуй, действительно надо что-то менять в жизни. Да и работа на кафедре приелась – сколько можно талдычить одни и те же лекции, которые уже зазубрил наизусть вплоть до «лирических» отступлений, импровизаций, так сказать. И как это артистам не надоедает выходить к публике с одними и теми же номерами, с одними и теми же песнями на протяжении нескольких лет на гастролях? Отвечать за кафедральную науку, на которую не дают ни гроша... ну, и т.д. Есть еще одна причина сбросить кожу... Месяц назад ранил холедох у молодой женщины во время лапароскопической холецистэктомии. Старый мудака!! И больная –то была не его. Светлана попросила, пациентка у неё в палате лежала. «Я боюсь, у меня опыта нет... прооперируйте, Сергей Васильевич...». В такой пузырь впоролся... Холедох узкий, как нитка, идёт от пузыря... Он, главное, сомневался, минут десять смотрел на проток, всё прикидывал... и всё-таки решил, что ничем другим, как пузырьным протоком, это быть не может, и пересёк. Потом уже, после операции, когда препарат смотрел – пузырьный проток вот он – облитерирован и тесно спаян с холедохом. Релапаротомия, пластика общего печёночного протока, транспечёночные дренажи на два года... Надо психологически выбираться из этого дерьма, и здесь это будет легче сделать.

Сашке последний год остался, ничего, закончит школу здесь, а Верку в детский сад отдадим».

И всё-таки его тревожил возможный переезд сюда. То, что он увидел сегодня, не воодушевляло. Всё оказалось хуже, чем он ожидал – и степень нищеты страны, и неразвитые коммуникации, и оторванность от крупных городов России. Одна эта дорога чего стоит! А если, дай бог, что случится – болезнь, травма, с которой он в одиночку не справится? Отсюда просто так не выберешься. «Куда ты нас завёз?» – слышал он обвинительный голос своей семьи.

Пыль, поднимаемая ими за собой, каким-то образом проникала и в салон, и в багажное отделение, и вскоре всё было покрыто ею. Они всё неслись и неслись по монотонно одинаковым подножьям бежевых холмов, где земля давно превратилась в выветренную, иссохшую корку.

– Похоже на ралли Париж-Дакар...

– К осени здесь будет нормальная дорога, – отозвался Пётр – Китайцы строят шоссе от Дархана до Эрдэнэта, видишь, вон там, справа.

Да, вдаль виднелась возводимая дорожная насыпь, и Пётр старался держаться параллельно ей, чтоб не сбиться с маршрута. Сколько же им ещё ехать? Его слегка мутило от непрекращавшейся тряски и выкуранных сигарет, помогавших коротать время. Через три часа пейзаж постепенно стал приобретать черты индустриального, оставаясь таким же пыльным и богом забытым. Наконец, они проехали мимо железнодорожной платформы, затерянной в степи, как стартовая площадка Байконура. В перспективе виднелись трубы электростанции, опоры высоко-

ковольтной линии , бетонные промышленные сооружения. Всё свидетельствовало о том, что производство здесь нешуточное.

– А сам комбинат вон там, на горе, – Пётр показал на голубые, прямоугольные корпуса, компактно выстроенные на склоне большого холма вдалеке.

«Эрдэнэт – гора сокровищ» – гласила надпись на щите у дороги, здесь уже снова началось шоссе. . На первом перекрёстке при въезде в город они свернули налево, и, захватив ближайший разрыв между четырёхэтажными домами, похожими на «хрущёвки», очутились во дворе, остановив машину у трансформаторной будки. Из подъезда вышли Ю.А., Ира, Алимжан и Халбиби... встречать.

2

Через неделю после его возвращения из Монголии позвонила Инга , из Германии. Она сообщила, что приняла окончательное решение переселиться в Америку, в Вашингтон. Она уже купила дом в Чеве-Чейзе, и рассчитывает получить место в университете. Во всяком случае там она смогла бы, наконец, продолжить свою научную деятельность, так как только в американских архивах сохранились те документы, которые ей необходимы. И она хотела бы попросить его сопровождать её и престарелую мать в этом перелёте в Новый Свет, как врача и как друга. Разумеется, все связанные с этим расходы она берёт на себя.

Предложение было ошеломляюще заманчивым – побывать в Америке, да еще на таких условиях! В детстве ему несколько раз снилось, что он в Америке, стоит на Бродвее в людском круговороте и над ним нависают рекламные щиты в электрических гирляндах, бурые стены небоскрёбов, и сердце готово лопнуть от восторга, что он оказался здесь. А однажды приснилось, что он добрался до Америки на подводной лодке, во время службы на флоте.

Конечно, он ответил согласием, несколько не веря в возможность осуществления этого проекта. Предстояло получить три визы – шенген, американскую и ещё швейцарскую, так как Инга намеревалась лететь из Цюриха. Ей предстояло везти с собой двух грингаутов, приобретенных еще во время пребывания в России – Вербу и Варяга – а швейцарской авиакомпанией это выходило значительно дешевле.

Вскоре пришло письменное приглашение, где подробно излагались все детали предстоящего путешествия: цель, маршрут и требуемые гарантии. В германском консульстве шенгенскую визу открыли без проволочек, но он, как и Инга, опасался, что трудности возникнут с получением американской визы. Ещё при первом телефонном разговоре Инга сказала, что их домашнюю прислугу – филиппинку Офелию, в Америку не пускают, так как штаты рассматривают Филиппины как страну опасную в плане терроризма.

Непременным условием получения визы было прохождение собеседования с консулом – так называемое «интервью». Длинную очередь, ранним утром выстроившуюся на сквере Фурштатской улицы перед американским консульством, запустили внутрь, и потекли часы ожидания в просторном, но плотно заполненном людьми, зале. Он прождал почти целый день, пока его пригласили на собеседование. Разговор проходил , как у билетной кассы, через окошечко. Лысоватый, уставший от общения с людьми, зависящими от его воли, билетёр поначалу никак не мог взять в толк ,какая необходимость переть в Америку 93 летнюю старуху, и в чём , собственно, заключается роль Серова, как сопровождающего? «Ну, братцы, это уже даже не вопрос, а целое следствие по делу, для такой демократичной страны, как США, это ни в какие ворота не лезет» -но он решил вести себя как можно сдержаннее и без всякого подобострастия отвечать на расспросы консула. «В крайнем случае надо будет намекнуть, что своим отказом дипломатический работник нарушает права пациента, прописанные в уставе ВОЗ». Под конец беседы консул сообщил, что у него отец тоже врач, но всем своим видом дал понять, что это обстоятельство никак не может повлиять на принятие положительного решения. Может быть,

даже наоборот – придётся быть более независимым и объективным. Но в конце концов всё обошлось, визу ему дали.

Получить швейцарскую визу оказалось делом формальным, и единственная проблема, с которой он при этом столкнулся, это припарковать машину на Марата.

Он первый раз летел на Берлин, до этого всякий раз путь в Германию для него лежал через Франкфурт. Хотя название «Schönefeld» ему было знакомо ещё со времён ГДР. Отец, служивший тогда в ГСВГ, пару раз летал именно из этого аэропорта домой.

При полёте в глаза бросались желтые прямоугольники полей, засеянных рапсом. Эта картина как бы подчеркивала, что вы прибываете в страну с высокоразвитыми технологиями – немцы одними из первых в Европе стали использовать биотопливо. Само здание аэровокзала не шло ни в какое сравнение с колоссальным франкфуртовским комплексом и напоминало вытянутые в прямую линию трибуны ипподрома. Терминал России находился в самом конце, затерянный среди стран третьего мира, как и во Франкфурте, но в Берлине это воспринималось более обидно. Пройдя паспортный контроль и получив багаж, он вышел на улицу. Издали увидел Ингу возле старенькой «вольво» на пустой автостоянке. Она уже собиралась уезжать, так как Серов долго не выходил, и она решила, что он вообще не прилетел сегодня. Прежде, чем сесть в машину, он наспех выкурил сигарету, изголодавшись по куреву за время полёта. В багажнике «вольво», куда он пристроил свой чемодан, громоздились два больших ящика из плотного пластика с дырами по бокам – контейнеры для перевозки собак. Их Инга приобрела сегодня, здесь, в Берлине. «Вам предстоит их монтировать, Сергей. Думаю это не трудно, в инструкции описано всё подробно». Её русский по-прежнему был великолепен, несмотря на отсутствие практики в течение пяти лет – с той поры, как она покинула Россию. Хотя, её ведь навещают друзья из России, он сам был у неё в гостях два года назад, на Millennium, но всё же этого недостаточно для хорошей языковой практики. Впрочем, она свободно владела и английским, и французским и ещё тремя-четырьмя европейскими языками, плюс иврит. Ей довелось работать и во Франции, и в Израиле... Сейчас он вспомнил, как однажды, гуляя по петергофскому парку, они зашли в павильон Марли и вышедшая к ним экскурсовод, набивая себе цену, спросила, на каком языке проводить экскурсию – немецкий или русский? «Дорогая не волнуйтесь, какой Вам удобнее» и Инга перечислила несколько возможных языковых вариантов для общения, ну, та и притихла сразу...

Салон «вольво» показался довольно обшарпанным, кожа исцарапана, повсюду на сиденьях валялись клочья светлой собачьей шерсти.

Был очень тёплый и даже немного душный вечер. По пути они заехали на бензоколонку, заправились, а потом хлынул дождь и, может быть, из-за него или просто увлекшись разговором, проскочили поворот на Ваймар, пришлось съезжать с автобана и разворачиваться. Километров за двадцать до Бланкхайна он начал узнавать дорогу. Вот – Bad –Berka, место, где находилась лучшая из когда-либо виденных им больниц. Окруженная лесом –гордостью Тюрингии, в гэдэеровскую эпоху больница считалась элитным медицинским центром, предназначенным для лечения партийных бонз. Сюда приезжали руководители страны, высокие гости из социалистического зарубежья. После объединения сюда были вложены колоссальные частные средства, больница была подвергнута полной модернизации и превратилась в нечто уникальное, по его мнению. Он вспомнил отделение реанимации, коек на пятьдесят, напичканное самой современной аппаратурой. Проходя по коридору, он видел через стеклянные стены палат больных. Один, с острым инфарктом миокарда брился, стоя перед зеркалом, – на первые сутки после стентирования! Но больше всего поразил внутрибольничный сад в главном корпусе – гигантская многоярусная оранжерея с пальмами, диковинной растительностью, гротами и водопадами...Ничего подобного он не видел даже по телевизору. И всё остальное в

том же духе – комфортно, уютно, добротно. Перед входом в больницу – площадка санавиации, откуда взлетали вертолеты на аварии на автобане.

Вскоре выехали к Илму. Река неширокая и берег в этом месте просторный, травянистый и ровный, как газон. Сюда Инга любила вывозить своих собак. Грингауты – гончие, и, чтоб не потерять форму, должны много бегать. В Бланкенхайне она побаивалась отпускать их с поводка, опасаясь, что собаки забегут в какое-нибудь частное владение, где их могут просто-напросто пристрелить. «Да, да, Сергей, таких случаев сколько угодно... К сожалению, среди немцев много злобных, жестоких людей, которые не любят животных.».

Ну, а сам Бланкенхайн он, конечно, помнил очень хорошо. Всё узнаваемо. Вот городской парк и пруд, где по-прежнему полно уток и лебедей. Деревянная будка посреди гладкой воды. Вот отель «Zum Krone», где любил пить пиво, вот городская ратуша на невысоком холме, а сейчас возникнет поворот направо, на Christian – Shpek strasse. Узкая улица, застроенная состарившимися домами с иссохшей бежевой краской на фасадах и на оконных жалюзи, с невзрачными витринами магазинов на первых этажах, где, как нарочно, выставлены тоже старые и непривлекательные товары, словно попавшие сюда из далёкого мануфактурного прошлого. В прошлый свой приезд, два года назад, его поразила разница между городами Западной и Восточной Германии – уютные, сверкающие радостными красками, утопающие в живых цветах, домики Шварцвальда и блеклые, неухоженные, исписанные настенными лозунгами, постройки Тюрингии.

За первым перекрёстком улица спускалась в овальную ложбину, раздваивалась и, как рукава реки остров, огибала обнесённый деревянной изгородью сад с возвышавшимся среди деревьев особняком – владение Инги. Второго такого в Бланкенхайне не было. Естественно это частное имение вызывало зависть горожан, выросших при социализме.

Остановившись перед железными воротами, покрашенными в белый цвет, Инга достала из «бардачка» внушительную связку ключей и вышла отпирать засовы. Из глубины парка навстречу ей выбежал Варяг, громким лаем приветствуя хозяйку. Красивый пёс, рыжевато-палевой масти, волнистая шерсть, изящное, поджарое и в то же время сильное тело. Его бег оставлял впечатление разматывающейся на ветру светлой ленты.

– А, где же Верба?

– Она больна, – огорченным голосом отозвалась Инга. – Нам с Вами еще придётся решать эту проблему..

Верба ждала в прихожей, если так можно было назвать по-дворцовому просторную, квадратную залу с дверьми в столовую, гостиную, кабинет, на кухню и с деревянной лестницей на второй этаж. Собака и впрямь выглядела больной, хотя бы потому, что была сильно ожиревшей, что совершенно недопустимо для этой породы. Было видно, как непросто тонким лапам передвигать заплывшее жиром, бочкообразное туловище. Чрезмерная толщина, нарушившая естественные пропорции, делала собаку почти уродливой. Верба была светлее Варяга, почти белая, с гладкой короткой шерстью, а широкие чёрные зрачки в обрамлении красных склер придавали глазам вечно воспалённый вид и невыразимую печаль. «А собаки, кажется, меня узнали, хотя прошло больше двух лет..» – подумал он, поглаживая Вербу по широкой спине.

В столовой ждал накрытый стол, за которым в одиночестве восседала мать Инги – фрау Хельга. Конечно, это было неправильно – так её называть, за фрау должна следовать фамилия, а не имя, но поскольку Инга носила девичью фамилию и тоже была фрау Digiler, то для себя он решил называть мать Инги именно так. Ей было 93 года, а в этом возрасте люди уже не меняются со временем, и фрау Хельга выглядела такой же, как и десять лет назад, когда Серов впервые познакомился с ней в Петербурге, тогда ему пришлось лечить ее тромбофлебит. «Unkraut nicht vergeht» – «Сорняки не умирают» – посмеивалась она над собой, лёжа на белой кожаной кушетке у окна, из которого была видна Нева и Аврора. Уже тогда её руки и лицо

были сплошь в морщинах, так что для новых просто не хватало места. И сейчас, как тогда, она приветливо улыбалась, обнажая ровный ряд искусственных зубов, чуть выставив голову вперёд, чтоб лучше слышать собеседника, и тонкий голос её звучал нараспев.

Стол, как обычно, был великолепен – сочные ломти красной рыбы, свежая спаржа, овощной суп-пюре, тушёная телятина, красное французское вино. Заметив на столе бутылку красного Бужеле, Серов позволил себе процитировать Гёте: «Ein echter deutscher Mann mag keiner Franzen leiden, doch ihre Weine trinkt er gern». Фрау Хельга, с большим удовольствием пригублявшая вино, не расслышала и спросила у Инги, что сказал доктор Серов? Инге пришлось самой чётко и громко повторить цитату из Фауста.

За столом прислуживала Офелия. В его представлении именно так должна была выглядеть филиппинка – невысокая, коренастая, с грубоватыми выпуклыми чертами лица и предельно вежливая. Офелия была христианкой, и это было для него открытием, что на Филиппинах большинство населения – христиане. Тем не менее в Америку её так и не допустили и, как сообщила Инга, завтра предстоит поездка в Эрфурт на встречу с новой *Pflegerin* для мамы.

За десертом, за чашкой кофе, он закурил и фрау Хельга тут же потребовала сигарету и для себя. Возле её ног паслась Верба, получая со стола сладости. «Mein Schätzchen...» «Они же загубят собаку своей добротой, уже загубили».

Столовая, где они сидели за складным квадратным столом, была обставлена антикварной мебелью, знакомой ему по петербургской квартире Инги на Кутузовской набережной возле Литейного моста. Вместе с мебелью Инге удалось вывезти из России и картины русских художников. На стене у окна висел портрет Петра Первого, в круглой багетной раме с облупившейся позолотой – девятнадцатый век. Этот портрет когда-то украшал её кабинет в Санкт-Петербургском университете.

Сославшись на усталость, фрау Хельга покинула их общество, опираясь на трость и поддерживаемая Офелией, с трудом передвигая ноги, обтянутые компрессионным трикотажем. Без посторонней помощи ей было не подняться на второй этаж, где располагались спальни. Инга платила Офелии 1000 евро в месяц. Хотел бы он получать такую зарплату.

3

С утра с Ингой отправились в соседний магазин, через дорогу, и закупили продуктов на неделю. Он чуть пупок не надорвал, перетаскивая тяжелые коробки с провизией из багажника «вольво» на кухню. Не были забыты и собаки, им купили их излюбленное лакомство – прожаренные свиные уши в вакуумных упаковках.

После завтрака он с чашкой кофе прошёл через кабинет на открытую террасу с каменным крыльцом, где стояла дачная мебель – белые пластиковые кресла со съёмными подушками на лямках, столик и лежак.

Начавшееся утро казалось самым воплощением весны. Было очень тепло, и зелёный распустившийся парк был наполнен пробившимся сквозь листву солнечным светом. Здесь росли высокие мощные липы, американские дубы, ели... по периметру, вдоль изгороди из сколоченного крест на крест штакетника, посеревшего от времени, были высажены можжевельник и туя. Близко от террасы, в густой траве, голубым неровным пятном светлело скопление тонких цветков, дикие – они назывались «Vergiss mich nicht», по-нашему «незабудки». Он вспомнил, как мама завещала, чтоб на её могиле посадили незабудки. Почему он так и не выполнил её просьбу? «Vergiss mich nicht...».

«Какое это удовольствие – обладать собственным парком и иметь возможность наслаждаться его утренней свежестью, вдыхать этот прозрачный воздух, как он сейчас, сидя в уютном кресле с чашечкой кофе в руках. Осенью смотреть, как жёлтая листва опадает с деревьев, как сверкает снег зимой... И как Инга решила расстаться с этим? Лишиться такого чуда! В

идеале здесь должен бы жить художник или писатель. Инга говорила, что когда-то этот особняк принадлежал родственникам Набокова. Во времена ГДР здесь размещался детский сад. Дом приходил в упадок, когда она приобрела его. Огромные деньги были потрачены на ремонт, реставрацию, на установку современных систем автономного водоснабжения, отопления... И вот сейчас всё оставить, отдать, ради какой-то блажи – жить в Америке. Разве найдёт она там такой дворец и парк – нет, конечно. Ему жаль её владений больше, чем ей самой. Будь у него такой парк, он никогда бы его не покинул».

Посадки вдоль изгороди, были довольно высоки, и за ними нельзя было разглядеть проходившее рядом шоссе, – только здание фарфоровой фабрики, расположенное поодаль на холме. Практически полная изоляция от внешнего мира, забываешь, что ты в центре города.

Сейчас он испытывал ощущение, что попал в мир, описанный в ранних романах Золя, где много пышной растительности, солнца, благоухающей природы, оранжерейной сочной зелени, что наполняло душу покоем, казавшимся в юности излишне приторным.

Но надо было заканчивать с праздным времяпрепровождением, и он решил, не мешкая, приступить к сборке транспортировочных ящиков для собак. Это было нетрудно – свинтить пластиковые корытообразные половины – верх и низ – и приделать дверцу с поильником. Можно было даже не заглядывать в инструкцию по монтажу. Но дело осложнялось тем, что Инга сразу забраковала штатные поильники в дверцах, по её мнению они были слишком малы, лёту предстояло восемь часов и собаки захотят пить много. Она купила пластмассовые ведёрки, которые следовало надёжно закрепить внутри клеток. Постепенно он справился и с этим, просверлив в ведрах дыры и привинтив их болтами на резиновых шайбах к углам клеток. Проходя мимо него, ползающего на четвереньках возле этих ящиков, Инга подхалимски нахваливала его работу, преувеличенно восторгаясь его мастерскими способностями, «что значит мужчина в доме». Когда всё было завершено, приступили к испытаниям. Выяснилось, что ни Вербу, ни Варяга никакими силами нельзя было заманить войти внутрь клеток, даже личным примером с демонстрацией, как внутри уютно и славно. Но время ещё есть, и тренировки будут продолжены. Решили оставлять клетки открытыми, а внутрь класть свиные уши. Тем временем Офелия накрыла стол ко второму завтраку – мясо, зелень, вино... За едой обсуждали, брать ли с собой собак в Эрфурт? В Эрфурт надо было ехать на встречу с новой Pflegerin, которая откликнулась на объявление Инги и приезжала из Дюссельдорфа. Скрепя сердце, Инга решила оставить псов дома, а он втихомолку порадовался, что не придётся дышать псиной в салоне и никто не будет с заднего сиденья класть на плечи лапы и слюнявую морду.

Так что поездка по автобану до Эрфурта оказалась приятной. В условленном месте на вокзале они встретили Доротею – так звали новую кандидатку в прислуги. Высокая, дородная брюнетка, лет 55, не лишённая миловидности, с томными чёрными глазами. Она – «wolgadeutsch», эмигрировала из России три года назад. С вокзала они проехали в центр, где на площади у городской ратуши зашли в итальянский ресторан, для ведения переговоров. Заказали сок, воду и кофе. Общались на русском.

– Итак, Доротея, Вы уже в курсе моих проблем. Я нуждаюсь в женщине, которая могла бы обеспечить уход за моей матерью, ей – 93 года и самостоятельно она не может себя обслуживать. Я целый день занята профессионально, на работе, и не в состоянии вести домашнее хозяйство. Через две недели мы должны переезжать в Америку, в Вашингтон. В наших предварительных телефонных переговорах Вы сказали, что готовы поехать с нами.

- Буду рада Вам помочь.
- Отлично. У Вас есть тут семья?
- Муж, сын и дочь – они уже взрослые.
- Они не будут возражать против Вашего отъезда?

- Не будут.
- Чем они занимаются?
- Пока ничем, учат язык.
- Получается Вы – единственная кормилица в семье. Где Вы работаете в настоящее время?
- Я ухаживаю за одной одинокой женщиной, ей – 85 лет.
- Вы учились этому? У Вас есть соответствующее образование?
- Нет. – и предвзято последующий вопрос, добавила – Дома, в Саратовской области, я работала в колхозе, в правлении, в конторе.
- Вы здесь официально трудоустроены?
- Видете ли... платить налоги мне совершенно не по карману. Я рассказала Вам своё положение. Поэтому я работаю по взаимной договорённости с хозяйкой.
- То есть нелегально. – Это известие видимо огорчило Ингу, и в последующем беседа приобрела более острый характер. Ингины глаза сделались жёсткими и холодными. – Дорогая, это же незаконно. Помимо всего прочего у Вас могут возникнуть проблемы при оформлении визы.

Доротея пожала полными плечами, давая понять, что это никак не её проблемы.

– А как относится Ваша хозяйка к тому, что Вам придётся её покинуть?

– Она не знает об этом, я ей ничего не говорила и, наверное, не буду говорить. Просто не приду на работу... Найдёт себе новую служанку.

«Вот это славная Pfliegerin... Она что – не понимает, как этим признанием роняет себя в глазах Инги? И ведь не производит впечатление глупой женщины, скорее по-своему хитрой, вооружённой тем пониманием собственной правоты, что вырабатывалось в такого рода людях под влиянием естественного отбора, борьбы за существование».

Доротея похоже догадывалась, что её шансы падают всё ниже и ниже, и впала в бессильную мрачность – стоило ехать такую даль, тратиться на билет... Скоро разговор принял совсем отвлечённый характер, всем было ясно, что Ингой уже принято решение – отрицательное, хотя напрямую она этого пока не сказала.

Когда они вышли из кафе, он обратил внимание, что мостовая перед ратушей заставлена букетами живых цветов и горящими свечами. «Это в память о жертвах вчерашнего убийства» – разъяснила Инга. Юношу, ученика старших классов, исключили из гимназии за какую-то провинность. Парень вооружился, пришёл в школу, и стал хладнокровно расстреливать своих одноклассников и учителей. Ходил из кабинета в кабинет и разряжал обйму. Всего – 19 человек. Вот тебе и благополучная Германия! И никакого чеченского следа не надо искать. А лишь след, изуродованной дьяволом, души. Неужто это так не страшно – видеть, как от выпущенной тобой пули падает человек, обмарываясь свежей кровью, на глазах превращаясь в непривычное взгляду, тяжелое, обездвиженное тело? И снова, и снова нажимать на курок.

До отхода поезда, на котором Доротею надо было возвращаться в Дюссельдорф, оставалось два часа, и они решили в оставшееся время посетить Собор.

Эрфуртский Собор возведен на высоком холме. Со стороны рыночной площади к нему ведет очень широкая каменная лестница, по ней одновременно может подниматься целая толпа народу. Серову было приятно вновь оказаться здесь. Он вообще любил возвращаться на круги своя, но это касалось не столько людей, сколько мест. Ему нравилось также, когда память вдруг приносила какой-нибудь давно не слышанный, но знакомый по давнему прошлому, запах или вкус, или заставляла пережить давнее, прежнее ощущение, когда-то совсем мимолётное. В соборе с прошлого раза больше всего, чётче всего, ему запомнилась чёрная фигура Вольфрама, державшая на вздетых руках светильники в виде больших белых свечей. В гладкой статуе, словно вырезанной из эбонитового дерева, было что-то языческое и следовательно совсем неуместное в храме христианства, где всё было типичным для католической церкви::

витражи, алтарь, орган, кабинки для исповеди, крестильня.... Собор был заполнен людьми, преимущественно молодёжью. В этот день здесь отмечали окончание школы – «последний звонок». В центральном нефе на временно сооружённом подиуме, сидя на стуле, длинноволосая девушка в джинсах пела в микрофон, аккомпанируя себе на гитаре. Телеоператоры вели съёмку, сновали репортёры с фотокамерами. Присутствие «посторонней» публики не раздражало, а наоборот воспринималось очень естественно. Наверное, никто не может быть посторонним для храма, с какой бы целью он туда ни вошёл.

На обратном пути, распрощившись с Доротеей, обсуждали её поведение, которым Инга была просто шокирована.

– Вы знаете, Сергей, сколько я сделала, будучи в России, для возвращения волжских немцев. К сожалению, результат оказался не таким, какого мы ожидали. Многие по приезду сюда ведут себя так же, как Доротея – работают нелегально, не платят налоги, имеют проблемы с законом. – Сидя за рулём, Инга время от времени досадно покачивала головой, выглядела она искренне огорчённой, – Вам понравилась эта женщина? Нет. Конечно. С какой лёгкостью она готова бросить свою подопечную, даже не поставив её в известность о своём уходе! Нет, я не могу доверить такому человеку свою маму. Ах, как жаль, что Офелия не может ехать с нами! Она идеально ухаживает за мамой, и маме она очень нравится. Теперь надо искать новую *Pflegerin*, а времени остаётся всё меньше и меньше. Боюсь, что придётся отодвигать время отлёта, дату. Но это значит, что для Вас надо будет получать новую швейцарскую визу. Ну, ничего, я надеюсь, что мы справимся. А как вы нашли мою маму, Сергей?

– Мне кажется она в хорошей форме и надеюсь, что длительный перелёт перенесёт благополучно. Но вам безусловно надо лететь бизнес-классом и перед вылетом ей надо будет сделать инъекцию клексана, в профилактических целях, чтоб уменьшить риск тромбообразования в венах ног во время полета.

– Да,да. Вы потом напишите мне список лекарств, которые надо будет закупить здесь. Мы Вам так благодарны, Сергей, что Вы согласились помочь нам при переезде.

– Не стоит благодарности. *Nichts zu danken*.

– Вы помните, как в прошлый Ваш приезд Вы обратили внимание, что мама принимает мочегонные и при этом ей не был прописан калий? Мы сделали анализ, и действительно, калий оказался ниже нормы. И ведь ни один немецкий врач, который её лечил здесь, не говорил, что необходимо принимать калий. Я была очень разочарована. Всё-таки в Западной Германии квалификация врачей значительно выше.

«Действительно странно – такую элементарную вещь каждый студент обязан знать».

Они ехали, в среднем, 120 км\ч. Инга прекрасно водила машину, и разговор нисколько не мешал ей за рулём. От чересчур жёсткой подвески Вольво исходило негромкое постукивание, и он уже привык к этому шуму. «Имея у себя такие автомобильные фирмы, отдать предпочтение шведской машине? Не понимаю». – подумал он. – «Хотя, в Питере у неё был белый *Merzedess*, который у неё угнали в одну из загородных поездок».

Дома ждал ужин – тюрингские сосиски – раза в три длиннее обычных, с шероховатой серой шкуркой, английское пиво, вино... Они поведали домашним о своих неудачных переговорах, а затем Инга показала ему факс с фотографией дома в Америке, который был уже куплен ею. Факс прислал американский маклер, сейчас занимавшийся меблировкой дома. Район, где им предстояло жить, назывался Чевингтон – парковый пригород Вашингтона, штат Мэриленд. Двухэтажный светлый особняк с очень большими окнами чем-то напомнил ему фотографию дома Хемингуэя в Ки-Уэсте. , про себя он так и окрестил его «дом Хемингуэя». – А как переводится Чевингтон? – спросил он у Инги. «Охота на оленей». «Хорошо, что не на медведей». – почему-то подумал он. Дом выглядел приятно, но куда ему до Бланкенхайна!

С утра идёт дождь. Mutti решила поспать дольше обычного, и завтракают они вдвоём с Ингой. Вскоре подъезжает небольшая, но шумная компания: ингина администраторша, которая ведёт дела с её недвижимостью, её муж и шофёр мини-фургона. Инга – владелица нескольких домов и квартир в Ваймаре и Эрфурте – наследство отца, права на которое она восстановила после объединения Германии, и сейчас живёт на доход от этой собственности, сдавая жильё в аренду.

Вместе они перетаскивают в фургон тяжеленную кадку с древовидным экзотическим растением, похожим на пальму, которое жалко выкинуть просто так. Первое расставание... теперь дерево будет жить в доме у администраторши. Это событие отметили шампанским в гостиной, с присоединившейся к ним фрау Хельгой, и тут же перешли к обеду. Грибной суп, жареная печень, курица...

После обеда на двух машинах отправились в Ваймар, в офис администраторши на Belweder strasse, и пока Инга будет решать имущественные вопросы, у него есть два часа, чтоб прогуляться. Он решил пройти через парк до исторического центра Ваймара. Парк раскинут по берегам Илма, который здесь наминал больше широкий ручей, чем речку. Создание парка – заслуга Гёте, для этой цели он пригласил из обожаемой им Италии архитекторов, мастеров. Они возвели здесь «Римский дом», и живописные руины, собственно, были единственными строениями среди вековых деревьев, тоже редких. В парке преобладало открытое пространство, так что можно было далеко проследить и сам Илм, и плавные, покрытые сочной травой, берега.

Подходя к черте города, он наткнулся на советское воинское кладбище за оградой. Открыв калитку, вошёл вовнутрь. Захоронение находилось в идеальном состоянии – всё чисто, опрятно, никаких следов вандализма. Цветов правда не было, ну да это... Побродив среди частокола простеньких обелисков, он обратил внимание, что на многих надгробьях стояли даты смерти -46, 47 год. Война –то уже кончилась. Отчего могли погибнуть солдаты здесь, на немецкой земле? Таких могил тут едва ли не половина. Откуда такие потери в мирное время? При разминировании? Вряд ли столько... Непонятно.

Времени дойти до Schiller strasse уже не оставалось, надо было спешить назад. Возле консерватории шло строительство, строительный котлован был обнесён дощатым забором, разрисованным уличными художниками. Один из сюжетов изображал бородатого мужика с бутылкой водки в руке –«Onkel Rasputin». Иного присутствия России заметно не было. Солдатское кладбище и карикатура на заборе – это всё, что осталось.

Вечером обсуждали состояние здоровья Вербы. Зимой Верба перенесла операцию – удаление матки с придатками по поводу воспалительного процесса, и с тех пор у собаки постоянные гнойные выделения. Инга показала результаты анализов крови и даже цветные фотографии удалённых органов. Особых отклонений от нормы в анализах Серов не нашёл, но счёл нужным порекомендовать провести бактериологическое исследование выделений, для подбора рациональной антибактериальной терапии. Инга завела этот разговор не случайно – завтра им предстоит поездка в Bad – Langsalz, в ветеринарную лечебницу, где собакам должны выдать паспорта и необходимые документы для выезда за границу. Инга самого нелестного мнения о ветеринарах восточной Германии, впрочем, как и о врачах, политиках, о законах, экономической конъюнктуре и т.д. и т.п. Сейчас её идеал – Америка, а в Германии стало просто невозможно жить. Что ж ему тогда говорить о России, а? Он рассказал Инге о кладбище в илменском парке...

– Отчего умирали? От недоедания, от инфекционных болезней, связанных с ослаблением организма. Мама вспоминала, когда ваши войска входили в город, на них было страшно смотреть – настолько солдаты были ... *verschörfen*... истощены.

С утра пасмурно и довольно прохладно. Наперекор серым тонам природы на Инге надет ярко-красный пиджак с ниспадающим белым шарфом. К широкому лацкану приколоты крупная брошь. Сплетённые в короткую толстую косичку русые волосы, тронутые сединой, тоже скреплены брошью. Эта косичка и высокая, прямая, статная фигура, крепкие, как у женщины, кисти рук с хорошо контурированными венами приносят в её облик что-то гренадёрское. Черты лица грубоваты, не аристократичны, высокий прямой лоб, глубоко посаженные в твёрдые глазницы, глаза, крупный, жёсткий рот... Её красота, а он находил её по-своему красивой, была не женственной, а красотой *homo sapiens* женского пола. Инга... Какая она тебе Инга? Профессор, доктор Ингеборг Дигилер, автор книг по истории немецко-русских дипломатических отношений, великолепно образованная, с первых минут покорявшая любую аудиторию. В круг её знакомств входили политические деятели, высокопоставленные чиновники, известные учёные ... многие были гостями её дома.

Сейчас перед профессором И. Дигилер стояла непростая задача – затолкать упрямыцу Вербу в машину. Растопырив лапы, Вербка плотно и неподвижно стояла перед открытой дверцей, не выказывая никакого желания залезать вовнутрь. Вежливые толчки в зад не давали эффекта., а тянуть за ошейник – упаси бог... так обращаться с собакой... В конце концов пришлось профессору взять разжиревшую суку на руки и внести её в салон автомобиля, на заднее сиденье, где уже расположился Варяг. Бряцающая связкой ключей, Серов не без труда открыл ворота – что-то там постоянно заедало в замке, и они поехали.

Просёлочная асфальтированная дорога шла мимо таких же жёлтых полей, которые он видел с самолёта. Инга объяснила, что цветок этот – рапс, стали использовать для изготовления машинного масла. Но основная сельхозкультура, которая доминировала на прилежащих полях была, конечно, спаржа. Бесконечные грядки, укрытые чёрными пластиковыми полотнами, виднелись повсюду. Конец мая – сбор урожая спаржи, на обочинах стояли студенты с лотками, подрабатывающие продажей спаржи проезжающим. Лично он не находил ничего хорошего в этом продукте, входившим в обязательное домашнее меню, но был вынужден разделять общий восторг по поводу разваренных безвкусных волокнистых стеблей, проклиная в душе всех вегетарианцев... Над полями возвышались тонкие серые мачты ветряных электростанций с трёхлопастными пропеллерами.

Ветеринарная лечебница располагалась на окраине города. Им пришлось ждать своей очереди на приём, сидя на стульчиках в вестибюле. Впереди них была пожилая пара, пришедшая с большим, лохматым псом, старым и, очевидно, беспородным, на мощной шее собаки был повязан тёмно-красный платок. Варяг вёл себя беспокойно в помещении, и, оставив Ингу с Вербой дожидаться, Серов вывел его на улицу. Когда через пятнадцать минут они вернулись, то Инга была уже в смотровом зале, а на стуле, почему-то уже в одиночестве, сидел мужчина, хозяин пса с красной повязкой, и рыдал навзрыд. Грузное, небритое лицо было мокрым от слёз. Жалобно глядя по сторонам, он произнёс: «Убили. Убили собаку». Наверное, у пса нашли неизлечимое заболевание и предложили усыпить, но человек всё упрямо повторял, что у него убили собаку, явно виня в этом ветеринаров, и не мог справиться со слезами. Наконец, откуда-то появилась жена, она не плакала, и, печальным шёпотом утешая рыдающего мужа, увела его с собой.

Варяг через приоткрытую дверь тянул его в комнату, где на медицинском столе в недоумении раскорячилась Вербка, у которой брали мазок на бак.анализ.

Получив собачьи паспорта со штампами о прививках, они проехали в центр города. Утренние тучи согнали с неба и сейчас солнце вовсю заливало маленький, старинный *Badlangsalz*. По периметру брусчатой площади, возле магазинов, как повсюду в Германии, были

выставлены вешалки с уценённой одеждой с надписью «Reduziert». Средневековый фонтан, ратуша со множеством колокольчиков на железных консолях фасада... Когда Инга подвела собак к колодцу напиться, к ней подошёл пожилой мужчина, чем-то напоминавший того в ветлечебнице, и выразил своё восхищение Варягом и Вербой. Нет, сам он не «собачник»... вернее как – в этом году купил щенка – белого бульдога. Пожалел. Щенка должны были убить из-за масти, чтоб не испортить породу. Он пожалел и выкупил его...

Потом они прошлись вдоль крепостной стены. Инга рассказывала, что её отец служил здесь в Bad-Langsalz,е во время первой мировой войны, младшим офицером, военным переводчиком с французского.

Инге ещё надо было попасть в Эрфурт, и они договорились, что Серов доберётся до дома самостоятельно, сев в Эрфурте на поезд до Ваймара, а оттуда на автобусе. По дороге заехали в крестьянский магазинчик на полях, чтобы купить спаржи. Spargel... Магазинчик, как кладовка, был заставлен ящиками с разными сортами спаржи и, соответственно, с разными ценами. Единственно, что его как-то примирило с покупкой опостылевшего овощного деликатеса, было приобретение тут же нескольких бутылок Weise Herbst – розовое вино, любившееся ещё в прошлый приезд. В Эрфурте Инга высадила его в центре, в месте излюбленного отдыха горожан – на Anger,е. Старинная площадь была заставлена столиками – кафе под открытым небом, где множество людей, обслуживаемых резвыми официантами, потягивали пиво, кофе... Он тоже выбрал свободный столик и заказал кружку пива. День становился всё лучше, всё теплее и солнечней. Он глазел по сторонам и радовался, что может вот так запросто, как старожил Эрфурта, сидеть на Ангере, слившись с толпой горожан. В его понимании это было даже «достойнее», чем сидеть где-нибудь на пляс Пигаль или на венецианской набережной или в любом другом месте, известном туристам всего мира. Нет, именно на Ангере, который известен только настоящим эрфуртцам, и также как они, он знает, как отсюда пройти, скажем, к Krämer Brücke, где гладкая Гера протекает, как сквозь щель, под низким сводом странного моста, застроенного лавками, так что самого моста и не видно – обычная улица с брусчатой мостовой. А неподалёку там есть итальянское кафе-мороженное, на берегу реки. Или к дому, где Наполеон встречался с Александром первым... Или к «Красному быку»... Или к памятнику Лютеру...

Он сидел за столиком и смотрел, как мимо проезжают и останавливаются на углу ярко выкрашенные трамваи современного дизайна, вполне вписываясь в старинный облик площади. Красные, жёлтые... Как у Блока: «Молчали жёлтые и синие. В зелёных плакали и пели». У Блока простые прилагательные, безо всяких изысков и художественных вывертов. Никаких там белоснежных, изумрудных, иссиня чёрных... «Ты помнишь в нашей бухте сонной спала зелёная вода, когда кильватерной колонной вошли военные суда. Четыре серых...». Как просто. И полное ощущение не только цвета, но и всего мира.

Никуда не спеша, он потягивал отменное «Radeberger». Вероятно, что к рассуждениям о Блоке его подтолкнуло и то обстоятельство, что на площади находился многоэтажный книжный супермаркет. Серов решил зайти туда, может, удастся приобрести «Парфюмера» на языке оригинала. Патрик Зюскинд... ведь он его ровесник, тоже сорок девятого года. Его радовало, когда люди его поколения становились известными и даже маститыми писателями. Не одним же «шестидесяткам» заполнять литературное поле, не давая прорасти ничему другому, даже сорнякам не давая пробиться.

С помощью продавца-консультанта он нашёл роман, но повертев в руках отлично изданную книгу, всё-таки отложил в сторону. Цнеа кусалась – 18 евро, ему это было не по карману. Побродив по этажам, заставленным книгопродукцией на любой вкус, где даже мысль о каком-то дефиците не могла возникнуть, он наткнулся на толстый том сказок Гауфа. На белой обложке – Карлик Нос с гусыней... то, что надо, и цена 3 евро. Будем читать в Монголии с Вербой, и учить Верку немецкому потихоньку. В прошлый свой приезд он привёз

ей «Struwelpetter», и она в свои три года отлично научилась произносить и слово «дом», и «солнце», и «девочка», и много других слов по-немецки. И сама часто вытаскивала именно «Struwelpeter» из кучи своих книжек, и просила его почитать. Вообще, у неё странные литературные пристрастия – из Пушкина она любит только сказку о медведихе. Гауф должен ей понравиться. В своё время он и Сашку пытался пристрастить к немецкому языку, но желаемого результата не добился. Она учила из повиновения, но любви к культуре Германии не возникло. Так что теперь вся надежда у него на Верку.

Пешком он добрался до вокзала. Поезд, на который приобрёл билет, в последний момент отменили и пришлось в спешке перебегать на другую платформу и садиться на проходящий. Прямо, как в России. Автобус из Ваймара тоже опоздал на десять минут. .. Наверное, день такой.

Вечером фрау Хельга рассказывала ему об отце Инги. Он умер от рака гортани. В двадцатые годы им пришлось очень туго – инфляция, голод... С их улицы, где они жили в Эрфурте, восемнадцать человек покончили жизнь самоубийством. Как тут не вспомнить «Чёрный обелиск»...

5

С Ингой встали ни свет, ни заря, к семи часам им надо было поспеть в Ваймар – должен был прийти потенциальный покупатель одной из ингиных квартир. Распродажа недвижимости шла полным ходом. Квартира на Münzer Strasse – небольшая тихая улочка. Впрочем, в такую рань всё было тихим вокруг. Трёхкомнатная квартира, без мебели казалась ещё просторней, светлый паркет, печи, закупленные в Швейцарии, изысканная сантехника, окна со стеклопакетами... В доме напротив жил Ницше. Но этот факт вряд ли поднимал ценность жилья в глазах будущего хозяина. Квартиру собирался покупать слесарь – пожилой мужчина, он пришёл вместе с женой и держался, как всякий новый хозяин жизни, знающий цену своим деньгам, уверенно и с апломбом. По его бесстрастному лицу трудно было понять, остался ли он доволен увиденным.

После Ваймара поехали в Геру. По автобану. Через какое-то бюро Инга нашла в Гере новую Pfliegerin, работавшую в хосписе, которая вроде бы дала согласие ехать с ними в Америку, и сейчас Инга ехала на встречу с ней. Серову присутствовать при этом знакомстве было не обязательно, и Инга отвезла его к городскому парку, посоветовав посетить музей Отто Дикса, куда она подъедет через три часа и заберёт его.

Но музей оказался закрыт, именно в этот день недели – выходной. Он немного побродил возле дома, где родился художник, разглядывая, выставленные в окне фотографии семьи, няни... Старый дом, трёхэтажный, с мансардами, с малиновой черепичной кровлей. выходил фасадом на небольшую, мощённую брусчаткой, площадь, от которой начинался высокий холм. На вершину вела извилистая тропа. Поднимаясь по ней наверх, он вдыхал запахи, набиравшего силу весеннего дня, тепла, шедшего от окружавшего его леса. Поодаль на склоне холма виднелись дома с причудливыми деревянными лесенками, пристройками, террасами, и даже площадками для детских игр. Потом, спустившись вниз, он побродил лесной тропой вдоль берега Геры, в совершенном одиночестве. Время текло медленно. От нечего делать вернулся к дому Дикса и исходил весь этот район, в надежде найти какое-нибудь заведение, но всё ещё было закрыто в этот утренний час. Постояв на мосту, посидев на лавочке на набережной, он был несказанно рад, увидев, наконец, как на том берегу показалась машина Инги.

Инга осталась очень довольна знакомством с новой Pfliegerin. Скрамная, милая женщина, зову Урсула, лет около пятидесяти, корнями из силезских немцев. Есть семья, взрослая дочь. В Гере поселились после войны. Семья готова отпустить мать в Америку, но сама Урсула ставит

условие – обязательно показать ей Ниагарский водопад. Вот такая у неё мечта. .. А теперь , Сергей, мне надо навестить родную тётку. Это – сестра моей мамы. Ей 87, лет, вдова, живёт одна и вдобавок тяжело больна – бронхиальная астма. Сколько раз я ей предлагала жить вместе с нами, уговаривала поехать с нами в Америку, но упрямая старуха не соглашается. В прошлом она преподавала историю партии в военных академиях, а муж занимал ответственный партийный пост в региональном отделении СДПГ. Они пользовались всеми благами социализма, жили на широкую ногу, много путешествовали по миру. Детей у них не было. Но сначала мы заедем в магазин и купим чего-нибудь поесть.

Он еле втащил огромную картонную коробку, набитую продуктами и вином, на четвёртый этаж дома, не имевшего лифта. Дверь открыла хозяйка, она была не одна – в передней одевалась врач, навещавшая пациентку, она собиралась уходить. Он прошёл на кухню, где водрузил коробку на стол. В передней шёл разговор о состоянии здоровья тёти, недолго – дверь за врачом захлопнулась, и Инга ввела старушку на кухню, тоже как-то по-медицински обнимая её плечи. – Ты видишь перед собой двух проголодавшихся волков. – говорила Инга, улыбаясь. – Я с твоего разрешения накрою на стол.

Они прошли в комнату, обставленную типовой мебелью эпохи ГДР. Окна были занавешены плотными, темными шторами, в комнате царил полумрак и затхлый запах одинокой старости. Повсюду, казалось, лежала невидимая паутина. Он отметил про себя бросавшееся в глаза сходство тёти со своей сестрой – фрау Хельгой, правда, черты лица у младшей сестры были мягче и миловиднее. Они расположились вокруг большого и низкого журнального столика. Серова попросили открыть шампанское и пока он наполнял бокалы, Инга представила его тёте, вкратце рассказав историю их знакомства. Внимая ей, старая женщина кивала головой и разглядывала русского доктора. Дышать ей было трудно. Едва ли не каждый вдох сопровождался затяжным хрипящим выдохом, с натугой преодолевавшим спазм бронхов. «Что здесь делала эта врачиха? – недоумевал он. – Человек практически « в статусе». У нас таких госпитализируют по неотложным показаниям». Но сама больная, видимо, свыкшись со своим недугом, не обращала на него внимания. Инга попросила Серова посмотреть медицинскую книжку тёти и выразить своё отношение к проводимому лечению. Пролистав книжку, он убедился, что тяжесть состояния недооценена, и терапия назначена пустяковая. Ну, да бог с ними... не будет же он лезть в это. Он дал понять, что не вправе наводить критику на лечащих врачей, и вносить свои коррективы в лечебный процесс... Тем временем , сидевшая напротив него в мягком кресле, седая женщина тихо заснула с пустым бокалом в свесившейся руке. Во сне ее дыхание стало свободнее. Инга вышла на кухню, сварить кофе. Он ещё раз оглядел комнату. Ни одного яркого, запоминающегося предмета . Когда-то, наверное, это было и модным, и красивым – и диван, и кресла, и стенка... Но всё состарилось вместе с хозяйкой, сохранив верность своему прошлому. «Жаль, что наша жизнь лишена самого важного – цикличности, и мы обречены всё время двигаться только вперёд». Словно почувствовав его мысли, женщина в кресле на секунду очнулась ото сна, и, неожиданно ласково взглянув на него, произнесла, улыбнувшись – *Leben vorbei*... – и снова закрыла глаза. Морщинистая рука продолжала сжимать пустой стеклянный бокал , из которого, казалось, пролилось и вытекло не вино, а живая вода.

– Она очень любила своего мужа, – рассказывала Инга на обратном пути в машине – и теперь всегда ставит ещё один прибор на стол – для него, когда ужинает одна. В конце концов, это – может быть, единственная возможность воплотить свою память во что-то реальное. Это не ритуал, и не сентиментальность. Она это делает для себя.

– Меня всё время не покидало чувство, что вот это её пасмурное одиночество в старости, и даже сама старость, результат не жизни вообще, а именно жизни при социалистическом строе. Меня всё время подмывает увидеть в этом некий символ, у нас в России такого рода

символов предостаточно, и более ярких, конечно... простите я, наверное, излишне циничен сейчас. А ваша тётя мне понравилась.

Стойкая женщина.

– Вы знаете, Сергей, что в своё время я убежала из ГДР на Запад, но мне всё-таки кажется, что частная жизнь, при каком бы строе она не была, а *privat* несёт в себе возможность счастья. У вас ведь многие люди были счастливы при Сталине, как и у нас при Гитлере. Они любили, рожали детей, радовались хлебу насущному...

– Вы безусловно правы, но то, о чём мы сейчас говорим, очень трудно сформулировать. Мы только можем догадываться, что подразумеваем одно и то же под понятием частная жизнь.

– Ну, я думаю, что мы прекрасно понимаем друг друга.

В Бланкенхайне Серов попросил высадить его возле ратуши, в его планы на сегодня входило ещё посетить «Zur Krone». Уютный ресторанчик на первом этаже скромного отеля был наполовину заполнен посетителями. Хозяин заведения, высокий одутловатый гигант лет сорока пяти, с угрюмым лицом акромегала, сам обслуживал столики и, когда подошел принимать заказ – большую кружку «экспорт», скорее всего не узнал в Серове того русского клиента, что часто заглядывал сюда два года назад.

Обитая темным полированным деревом, стена за стойкой бара была увешана расписными тарелками, и специально для этой стены Серов привез в этот раз тарелку с видом ростральных колонн. В следующее свое посещение он подарит ее хозяину. Ему нравилось здесь сидеть, смотреть на выпивающих немцев, ему нравился обычай, когда вновь входящие подходят к столику и приветствуют сидящих постукиванием костяшками пальцев о столешницу. Вот и сейчас вошла пара – оба в возрасте, он – инвалид на костылях, с ампутированной на уровне колена ногой, и тоже постучали компании, сидящей за соседним столиком. Серов узнал этого инвалида – в ту прошлую пору здесь у них завязался разговор о медицине, о больнице в Бад-Берка, где инвалид проходил лечение. Хотя в основном Серов тогда общался с его женой, так как инвалид говорил на тюрингском диалекте и понять его было невозможно. В общем, «знакомые все лица», только вот его самого никто не признавал. Одно дело помнить хозяина или человека без ноги, но у него – то нет особых примет, чтоб его запомнить. А все-таки есть в этом что-то приятное – спустя год узнать человека, с которым общался всего ничего, да еще в чужой стране.

Жестом он не подозвал хозяина, но дал понять, что хотел бы еще пива, и когда тот подошел, держа на подносе большой бокал светлого «экспорт,а», попросил рассчитать его. «Danke schön» – гулким басом прогудел хозяин, забирая шесть евро, – фразу, которую знают все русские с малых лет.

6

Оставшийся до отъезда в Констанц день Серов провел, слоняясь по Бланкенхайну. Посетил магазин фарфоровой фабрики. Накануне, роюсь в стеллажах библиотеки, он нашел журнал с изложением истории этой мануфактуры. Вильгельм Шпек основал предприятие в 1790г. Уже через семь лет принял участие в Лейпцигской ярмарке. Фирменным знаком его фарфоровой посуды была голубая буква «S» под глазурью. Кроме посуды, выпускались фарфоровые курительные трубки разнообразных форм. Кое-что из продукции того времени дошло до наших дней, например, свадебный сервиз, подаренный дочери Вильгельмине. К 1816г. на фабрике трудились 155 рабочих. Бланкенхайнский фарфор очень ценился, что, в частности, отмечал в своих дневниках Гете. Умер Шпек в 1830г. в возрасте семидесяти лет. Во времена второй мировой войны фабрика выпускала изоляторы и посуду для вермахта. В 1947г. (подробность вообще характерная для немецкого отношения к истории) на фабрике была открыта кухня для сотрудников, где работники могли получать горячее питание в добавление к продуктовым

карточкам. А с первого июня 1948г. каждый сотрудник получал дополнительно к зарплате 40 сигарет (радость для курильщиков и объект обмена для некурящих).

Все полки магазина были заставлены столовой и чайной посудой белого цвета без какого-либо рисунка. Не будь предстоящего перелета в Америку, Серов, пожалуй, приобрел бы для дома какой-нибудь сервиз, но таскать за собой короб с тарелками представлялось в сложившейся ситуации невозможным.

«Zur Krone» по случаю среды оказался закрытым, и ему пришлось поискать другого места, чтоб попить пива. И вскоре он такое нашел – неподалеку, на той же улице, на открытой терраске перед входом в маленький ресторанчик, где в витрине рекламировалась марка пива «Bit». «Bitte ein Bit». И опять, в который раз уже за последние дни, он наслаждался своим сибаритством, в одиночестве сидя за круглым столиком, опустошая кружку и поглядывая на залившую солнцем улицу и парк напротив. Он думал о том, что завтра окажется на Boden – See, в тех местах которые любил и по которым скучал., желая увидеть их снова и снова. Они поедут на двух машинах, утром за ними должен заехать Мартин – племянник Инги . Ему около сорока, живет он в Konstanz, а работает во Фрайбурге в какой-то строительной компании. Странно, и Серову самому было это непонятно – некоторые города он даже в мыслях предпочитал называть по-немецки, а какие-то по-русски. Впрочем, это касалось не только географических названий.

Но, когда рано утром он проснулся и, бреясь в ванной комнате, выглянул в окно, в сад, то не увидел никакой другой машины, кроме «вольво», и расстроился, полагая, что Мартин не приехал, и отъезд отложится. Но оказалось, что он просто не заметил со второго этажа «ситроен» Мартина – минивэн, припаркованный слишком близко к стене дома. И когда он в расстроенных чувствах пил кофе на террасе, к нему из библиотеки вышел загорелый лысоватый брюнет в замшевой куртке, с крупным покатым лбом и тихим ясным взглядом карих глаз. Представившись, Мартин сказал, что приехал поздно вечером, когда все уже спали. В ожидании пробуждения остальных домочадцев Мартин принялся рассказывать о своей фирме – они строят подземные тоннели, подземные гаражи... он даже не поленился и притащил из машины ноутбук и показал фотографии, увлеченно демонстрируя воздвигаемые ими объекты.

К завтраку мутти вышла в прекрасном настроении, одетая в ярко-желтый костюм. Да, она навсегда оставляла этот дом в Бланкенхайне, но всем своим видом хотела показать, что не грустит и готова к переменам. Инге же еще предстояло сюда вернуться, чтоб закончить имущественные дела и заняться отправкой мебели в Америку.

Как ни спешили со сборами, но отъехали поздно, в десять. Он высказал пожелание ехать с Мартином. Мутти, Офелия и грингауты погрузились к Инге. День становился все жарче, солнце палило нещадно, и он чувствовал, как припекает его согнутую в локте правую руку, выставленную в открытое окно. Чем дальше они отъезжали, тем теснее становилось на автобане, перед Франкфуртом и вовсе все полосы оказались заняты, так что пришлось тащиться шагом. Выслушав по радио информацию о пробках, решили ехать через Вюрцбург. До этого Серов никогда не был в Баварии, но автобан всюду одинаков и никаких особенностей в баварском пейзаже он не заметил. Проехав Вюрцбург, решили свернуть на стоянку, чтоб немного «размять кости» и выгулять собак. Мутти по-прежнему держалась очень бодро, казалось тридцатиградусная жара не доставляет ей никаких неудобств, она оставалась в своем желтом жакете и легко поднялась по лесной тропинке на невысокий холм, поддерживаемая Ингой. За ними, поделив собак, последовали Мартин и Офелия. Серов предпочел подождать их в теничке, присев на лавку из массивного, распиленного вдоль бревна.

Весь дальнейший путь он изнемогал от жары, от горячего сухого воздуха, врывавшегося в открытое окно, и почувствовал облегчение только когда увидел вдалеке блиставшее голубое зеркало Бодензее и шпили Radolfzell над верхушками деревьев. Увиденная картина означала не только конец утомительной поездки, но и долгожданную встречу с любимыми местами,

по которым он тосковал. Скорее всего многие из них он не посетит в этот раз, скорее всего дело ограничится лишь Konstanz, но все равно сознание того, что он вернулся на Бодензее, наполняло его сердце восторгом и радостью. Отсюда уже рукой подать до Wangen, а – когда-то тихого еврейского поселения на склоне горы, на Untersee, в трех километрах от швейцарской границы.. Он вспомнил, как тогда, после Нового Года, выпал снег, укрыв коричневые крыши одноэтажных вилл, и тут же растаял к полудню. И едва начавшаяся зима на Bodensee больше не возвращалась. Он вспомнил поездку в Stein am Rhein, в Швейцарию, где они закупили продукты к Новому Году, бродили по ратушной площади и после, переехав Рейн, забрались на машине на вершину холма, откуда открывался незабываемый, захватывающий вид на огромное европейское озеро, чьи холмистые, украшенные хвойными лесами, берега оставались темно-зелеными в конце декабря, безо всяких примет зимы. Он вспомнил Geienhofe, дом-музей Отто Дикса, где художник провел последние годы жизни. А где-то рядом дом Гессе, куда так и не удосужился заглянуть. Он вспомнил и поездку в Меерсбург в день трех святых королей, и как они по пути заехали в Radolfzell и навестили там фрау Хельгу, жившую тогда в однокомнатной квартире в многоэтажном доме, а потом сделали остановку в Birnau, где осматривали католическую церковь с разбитыми вокруг виноградниками. Инга тогда еще обратила его внимание на солнечные часы на фасаде церкви, сказав, что католики всегда трепетно относились ко времени. В Меерсбурге, гуляя по улочкам, они то и дело натыкались на аптечные вывески, и, спросив Кенига, как ему нравится город, тот буркнул: «Zu wenig Apotheke». Целью их поездки в Меерсбург был средневековый рыцарский замок, сохранившийся в первозданном виде с подвесным мостом через пропасть, с подземным ходом, вырытым до берега озера, с колодцем-тюрьмой рядом с гербовым залом... Позже замок облюбовала для проживания известная поэтесса Германии с трудно запоминаемым именем. Ни разу за многие столетия замок не был захвачен неприятелем. Он вспомнил краткий заезд в Mettnau, когда они с Кенигом возвращались из Konstanz, и около часа пробирались сквозь заросли дикого кустарника и пожухлого камыша на берегу – здесь была природно-охранная зона и запрещалась какая-либо деятельность человека, здесь могла созидать только природа. Место было знаменито еще тем, что здесь находился санаторий летчиков Люфтваффы. А еще можно было вспомнить и Schienen, и Singen, где они с Кенигом навещали Ингу в больнице, куда она попала с переломом лодыжек, и вспомнить Mainau – остров цветов, и конечно Reichenau...

Но они уже въезжали в Konstanz миновав мост через Рейн, с развевающимися на парапете флагами государств Евросоюза, сразу свернули налево и, проехав незаметный железнодорожный переезд, очутились во дворе Insel-Hotel, где Ингой были забронированы номера.

Это была шикарная идея – перестроить средневековый доминиканский монастырь в пятизвездочную гостиницу, входящую в сеть Steinberger отелей. Во время своих прежних посещений Konstanz он видел этот отель издали – белое четырехэтажное здание с зелеными ставнями окон на самом берегу озера – одна из визитных карточек города., запечатленная на открытках и журнальных обложках. Младший сын Кенига – Михаэль, проводил здесь свой медовый месяц.

Выгрузив мутти и собак, прошли к Reception. Рядом с портье стояла ваза с дармовыми яблоками для постояльцев. Проблем с размещением не возникло, прислуга уже выкатила высокие стойки-тележки для багажа и, приветливо восхищаясь (что и говорить) действительно красивыми псами, сопровождала компанию до лифта. Серову достался одноместный номер на третьем этаже. Ключ – магнитная пластиковая карточка. Очень уютный номер, насыщенный чудным легким запахом благородного дерева, пошедшего на отделку комнаты и мебель. На столике бутылка красного вина и белая фарфоровая миска полная свежей сочной клубники. Из окна был виден порт, статуя Империи и крошечный парк из каштановых деревьев с подрезанными ветвями.

Оставалось совсем немного времени, чтоб успеть принять душ – на семь часов заказан ужин в одном из ресторанов отеля – Dominikaner Stube. Наспех ополоснувшись, он облачился в белый махровый халат и осушил волосы феном. «Скоро надобность ухода за волосами отпадет сама собой» – разглядывал он свое отражение в просторном зеркале ванной комнаты. «Надо переходить на короткую французскую стрижку, ибо нет ничего хуже, чем пышные седые лохмы, усиливающие облик старости». Извлеченная из чемодана белая сорочка оказалась ожидаемо мятой, оставалось надеяться, что под пиджаком будет не слишком заметно. Галстук решил не надевать – наверняка в ресторане будет жарко. «Обойдемся сегодня без «гаврилы» – так называл галстук Боровой, его приятель и сослуживец – тоже доцент на их кафедре и классный хирург, потомственный. Его отец – хирург с мировым именем, специалист в хирургии желудка и особенно, по дивертикулам кишечника, заведовал кафедрой в их академии. Дед тоже был хирургом где-то в Карлаге. Да... с Юрой немало было выпито в «доцентской» наверху. Зачинщиком обычно выступал Боровой, где-то раз в неделю в конце рабочего дня предлагая раскатать бутылку, а вот он, раз уж это случалось, обычно настаивал на продолжении. Дело, как правило, заканчивалось распитием пива у киоска на Московском вокзале, куда он проводил Борового до электрички. Юра жил в Колпино со второй женой и маленьким сыном Отполировав все парой бутылок «Балтики», Юра садился в пригородный поезд, и благополучно засыпал, проезжая свою остановку. Просыпался на конечной станции – Рябово, уже в новгородской области, где до утра ждал на перроне встречную электричку, так и не попадая в этот день домой. Как это терпела его жена непонятно. Прошло уже два года, как Юра умер. От инсульта. До этого два года жил парализованный, и свое пятидесятилетие встретил в инвалидной коляске. Он вспомнил, как приехал к Юре в колпинскую больницу на следующий день после того, как случился инсульт. Юра лежал в реанимации, и не узнал его. Очень тяжелый был. Через неделю его перевели в НИИ нейрохирургии, где вся профессура своя, академическая. Предложили оперировать – убрать гематому, но старший Боровой согласия на операцию не дал. Может, и правильно, больно высокая летальность при таких операциях, хотя если все проходит удачно, прогноз на восстановление лучше, чем при консервативной тактике. Потом Юру перевели к ним, в родную больницу №1, на родное отделение. В «доцентской» поставили койку, так было легче заниматься с ним реабилитацией – весь персонал помогал, чем мог. Ведь Юра всегда был всеобщим любимцем – остроумный, большой полный мужчина, с густой русой бородой и пронзительно синими глазами, а в операционной за ним, как за каменной стеной. Вот только с родителями отношения у него были натянутыми. Даже странно, Юра – единственный ребенок у них. Но все имущественные вопросы решались в пользу первой юриной жены и сына от первого брака. Болезнь Юры ничего не изменила, постоянно шли какие-то распри из-за наследства... Позже Серов несколько раз навещал Юру в Колпино. Маленькая квартира принадлежала Марине –второй жене. На кухне был затеян ремонт, пахло краской, на выкрашенном полу доски проложены, сдвинутая мебель... И этот фон казался таким же безнадежно унылым и нескончаемым до получения результата, как и лечение паралича у Юры. Умер он одиннадцатого сентября. за год до атаки террористов на торговый центр. Повторный инсульт... На поминках сказал: «Не надо думать, что Юрий Анатольевич умер. Он просто заснул в электричке по своему обыкновению и укатил от нас в Рябово...».

Спустившись в Dominikaner Stube, он увидел, что Инга и Мартин с семьей уже сидят за столом в углу зала. Мутти, уставшая от переезда, осталась в номере под опекой Офелии. Ужин им подадут в номер. Мартин был с женой и десятилетней дочкой – Ханной. Очень живая, худенькая, черноволосая девочка с большими темными глазами. Инга почему-то была недовольна ею, хотя ребенок вел себя безукоризненно, она рассказала о своей учебе в классической гимназии, какие языки изучает – греческий, французский, латынь; каким спортом занимается.. Искренне заинтересовалась тем, что Серов из России и предложила ему свою дружбу. Из беседы с Ханной он выяснил, что девочка плохо знает немецкую литературу, и даже решил

было подарить ей Гауфа, купленного в Эрфурте, но потом передумал – нет, это для нас с Веркой. Позже он подыщет ей что-нибудь в местных книжных магазинах.

Заказали жареную рыбу, что водится только в Боденском озере (названия он не запомнил и не смог бы определить к какому виду она принадлежит). Инга посетовала, что рыба исчезает из Boden See и тому виной очистительные сооружения. Да, да. Оказывается, слишком чистая вода – это тоже плохо, рыбе нечем кормиться. Это уже стало большой и реальной проблемой для местного рыболовства. Жители Райхенау останутся без работы, ведь их основное занятие – рыболовный промысел.

Ресторан «Dominikaner Stube» был выдержан в стиле монастырской трапезной – квадратные ячейки больших окон, тяжелая, массивная деревянная мебель, но без аскетизма. Официантка, принимавшая их заказ – прелестная полненькая блондинка в национальном швабском платье, с зычным, но все же нежным голоском, выглядела очень сексапильно, так что в голову лезли всякие фривольные фантазии, естественно бесплодные. Как он и предполагал, в зале было жарко и вскоре под предлогом покурить, вышел наружу, на воздух. Моросил едва заметный дождь. Внутренний двор отеля, как у всякого доминиканского монастыря, имел форму правильного квадрата, свободного от пышных насаждений – только травяной газон. По всему периметру квадратного двора шла арочная галерея, украшенная картинами, выполненными в технике масляной настенной живописи, на темы истории города Konstanz и самого монастыря. Внимательное изучение этих картин он оставил на потом. Выпитое за столом вино добавило легкой дремы в усталость сегодняшнего дня, и вернувшись к компании, Серов хотел только одного – поскорее очутиться в своем номере.

Мартин, напротив, выглядел очень бодрым, впрочем, как и Инга. «Железные немцы» – подумал он – «Хорошая черта нации – выносливость, она предтеча оптимизму, чего мы, русские, большей частью лишены». Мартин сообщил, что послезавтра здесь открывается «Flohmarkt» – барахолка, блошиная ярмарка. Это любопытно, и предложил Серову составить им компанию в прогулке по городу. Инга сказала, что к сожалению у нее на это время запланирована встреча с банковским агентом, и что она будет завидовать им, так как сама обожает барахолки.

Вечером, чистя зубы и сплевывая пасту в белоснежный умывальник, он вновь испуганно ощутил предстоящую разницу в комфорте между жизнью в Германии и Монголии. «Куда ты собираешься их засунуть? – думал он о своих. – Сюда бы их привезти... Зачем тебе одному вся эта роскошь сейчас?».

Он включил телевизор и открыл мини-бар. Хирурга трудно удивить ассортиментом напитков; чего-чего, а всяческих бутылок, поднесенных благодарными пациентами, за свою жизнь он повидал немало, но содержимое полированного шкафчика приятно поразило. Продолжая думать о семье и о предстоящем принятии решения, которое должно было радикально изменить жизнь, он принялся опустошать мини-бар. Он не подозревал, что за мини-бар даже в пятизвездочной гостинице нужно платить отдельно.

7

Все встретились утром за завтраком в большом ресторане на первом этаже. Вход в ресторан находился напротив лифта, отделанного зеленоватым, роскошно отполированным, мрамором, и здесь же можно было выйти на открытую террасу, где стояли накрытые белыми скатертями, круглые столики под тенью белых зонтов. За балюстрадой террасы простиралось море, одаривая сидящих легким бризом, солнцем и розовевшими на горизонте Альпами.

Мутти привезли на кресле-каталке. Вид у фрау Хельги был отдохнувший. «Шведский стол», предлагаемый постояльцам – какое-то сказочное изобилие. Длинные столы, выставленные в центре зала, ломились от всевозможных закусок и блюд. «Пожалуй, даже богаче, чем

на пароме *Silvia Lain*» – вспомнил Серов свое морское путешествие из Любека в Хельсинки, когда перегонял купленную «ауди». «Хотя тогда казалось, что большего и желать-то нельзя»». Полагалось даже Шампанское, и Инга уговаривала его выпить, если он хочет, без стеснения. Но он отказался. Завтрак завершили черным кофе и фруктовым желе, трепещущим на блюде. Миниатюра, создаваемая черным кофе в обрамлении белой фарфоровой чашки, завораживала своей законченностью, как квадрат Малевича.

На сегодня Серов был предоставлен самому себе, у Инги куча бумажных дел, но пока она предложила составить ей компанию и выгулять собак. Пока она ходила за Варягом и Вербой, он, выйдя наружу, курил и любовался видом летнего кафе на террасе, залитой солнцем. В раскрытых белых зонтах, на фоне практически морского пейзажа, в беспечно отдыхающей публике за столиками, в неге теплого морского воздуха было что-то заставляющее вспомнить эмигрантскую прозу Бунина. Появление Инги с двумя борзыми добавило подлинности в эту картину. Они решили пройтись вокруг отеля. Собак пришлось поделить – стройный Варяг рвался на цепи, не взирая на впивающийся ошейник, волок за собой, словно хотел привезти неразумную хозяйку в только ему одному известное райское местечко, располневшая же Верба еле передвигала тонкие лапы, и всем своим видом показывала, что не прочь вернуться в номер. Отель действительно располагался на островке, широкий, но мелкий ручей, заросший пухлыми водорослями окружал здание монастыря с трех сторон и впадал в озеро метрах в ста от террасы. Там на зеленой лужайке несколько постояльцев устроились загорать на шезлонгах. Белые, не тронутые загаром, тела свидетельствовали, что это их первый контакт с весенним солнцем в этом году, и люди просто решили воспользоваться погожим днем, не принося его в жертву знакомству с достопримечательностями Констанца. День обещал быть жарким, солнце припекало, и хотелось купаться. В какой-то момент раздался и поплыл над городом колокольный звон, насыщенный и близкий, прямо над ухом. Это звучали колокола мюнстера. Сегодня же – Pfingsten – Троица.

Он все-таки не оставил идеи искупаться и когда вернулся в свой номер, не мешкая переоделся, прихватил гостиничное банное полотенце, и вернулся на место, где стояли шезлонги на берегу. В воду спускались каменные ступеньки, и только что перед ним женщина лет сорока в черном закрытом купальнике сошла по ним в озеро. Но он, решив последовать ее примеру, опустился только на две ступени и, к своему стыду, сразу же выбрался обратно – вода была ледяной. Он никак не ожидал, что в такие жаркие дни вода в озере может оставаться настолько холодной. Как тогда в Байкале, когда он на спор с Боровым искупался в Баргузинском заливе, тоже в конце мая и при свирепом северном ветре. Но это было десять лет назад и ему было сорок. Нет, сейчас не стоит лезть в прорубь, прохладный душ в номере куда приятнее. Сделав вид, что он и не собирался целиком залезать в воду, а только смочить ноги, он уселся в свободный шезлонг и с четверть часа понежился под солнцем. Дольше предаваться этому пустому занятию он не хотел, его тянуло в город.

Ему нравились старые города Германии, и за возможность побывать в них еще и еще раз он был готов отвергнуть любые другие дары судьбы. Конечно, эта любовь у него из детства. Первые осмысленные жизненные впечатления связаны с Германией, где а начале пятидесятых служил отец. Ничем другим, кроме впитанной в ранние годы атмосферы той тогдашней жизни, нельзя было объяснить этого сродства – это почти зов крови. И все последующие приезды в Германию только накапливали эту любовь.

Он всегда завидовал людям, которые, например, описывая лес, могли поименно перечислить множество разнообразных растений, трав, цветов. Или, гуляя по городу, точно вспомнить какие-то исторические события, что произошли в том или ином месте, как, например, Джойс. Что бы рассказал Джойс о Констанце, родился он тут, а не в Дублине? А что знает о Констанце он сам? То, что известно всем – что в средние века здесь состоялся Вселенский Собор католической церкви, положивший конец схизме и был избран единый Папа, что по реше-

нию Собора был предан костру Ян Гус, что статуя Империи в порту изображает знаменитую в те времена куртизанку, которую вывел в своих «озорных рассказах» Бальзак, что Барбаросса останавливался здесь перед крестовым походом, что отсюда родом граф Цеппелин, создатель дирижаблей. Но все эти факты имели для него значение только, как единое целое, и только связанные с живым видом озера, с Альпами, видневшимися на другом берегу, с флагами стран Европы, трепетавшими от ветра на мосту через Рейн, с железной дорогой, уходящей в Швейцарию, с современной городской скульптурой у фонтана, где любят играть дети, с кафе и магазинами, со знанием того, что Рейн берет начало в горах Австрии и впадая в Bodensee, сохраняет свое название и суть реки на протяжении всего своего невидимого пути, влившись в воды озера...

Во время прогулки пошел дождь и он решил переждать его в соборе, до которого было рукой подать, и посещение которого так и так входило в его планы. Собор реставрировали, на время вынужденно обезобразив фасад строительными лесами. Констанцский мюнстер не мог соревноваться в величии со Страсбургским, или Фрайбургским, или Эрфуртским соборами, но все же был внушительных размеров и впечатлял своей аскетичной архитектурой, более свойственной протестантским храмам. «Мюнстер» обозначает, что в этой церкви служит епископ. Как и снаружи, внутри преобладал светло-серый цвет – и стены, и потолок, и колонны нефа... но витражи собрали все цвета, как в калейдоскопе, правда, сейчас они были не такими яркими – солнце, скрывшееся за тучами, не подпитывало краски. Он не застал богослужения, праздничная месса закончилась до его прихода, и внутри уже не было толпы прихожан. Среди немногочисленных посетителей, большей частью это были туристы, обращала на себя внимание группа человек двадцать, расположившаяся на скамьях, к которой обращался, стоявший рядом священник. Было видно, что это не проповедь, а вполне личная беседа, кажется, они договаривались о какой-то дате. Серов сел поодаль от них, позади, разглядывая хоры и кабинки для исповеди. К этой большой группе принадлежали еще трое – женщина лет тридцати и два молодых человека, поначалу они стояли рядом со священником, но сейчас отошли от всей компании и сели на скамью за два ряда перед ним. На женщине был серый брючный костюм и широкий белый холщовый шарф, накинутый на плечи. Она была удивительно хороша. Ощущаемая, как дыхание, свежесть чуть смуглой кожи, плавные линии открытой шеи, умное лицо, ладная фигура и море осторожной, сдержанной женственности. Такой тип женской красоты можно встретить только в Старом Свете. Это была совершенно особенная, западноевропейская красота, созданная и природой, и безукоризненным умением пользоваться дорогой косметикой и ювелирными украшениями, и, конечно, образом жизни, без сомнения хорошо обеспеченной. Ничего яркого и тем более вульгарного не было в ее облике, наоборот что-то загадочно приглушенное, но она была потрясающе пленительна и желанна. Он не мог оторвать от нее взгляда, и сожалел, что ничто в мире не может соединить их, стать причиной их знакомства и хоть какого-то сближения. Риторическая обида на несовершенство мира переполняла его. Все будет, как предписано свыше, он встанет и уйдет, вместо того, чтобы не расставаться с этой женщиной всю жизнь. Таков мир. Ваши желания – ничто. Но он не смог заставить себя уйти и дождался, пока вся компания покинула собор, и она вместе со всеми...

Дождь не переставал, сделав Констанц серым и хмурым, что, пожалуй, шло городу даже больше, чем солнечная погода. Пешком добираясь до отеля, он промок и, когда очутился в своем номере, решил, что неплохо было бы сейчас погреться в бане. Еще раньше, изучая рекламные буклеты отеля, он узнал, что на втором этаже находится сауна к услугам проживающих, без дополнительной оплаты. Как раз в это время – в шестнадцать часов, она открывалась. Серов оказался первым и пока единственным посетителем, открыв дверь своим ключом-карточкой от номера. Конечно, и здесь комфорт был на высоте. Стеллажи, заполненные белыми махровыми полотенцами в неограниченном количестве, холодильный шкаф забитый минеральной «Sprudel» в литровых бутылках с винтовыми пробками, фены, бассейн, простор-

ная комната отдыха с лежаками и две парные – сауна и турецкая . Он прошел в сауну, устроенную по принципу амфитеатра, но не стал забираться высоко, и в ожидании пока тело покроется каплями пота, вспоминал монгольскую сауну на базе отдыха в Хялганате, на Селенге, куда на один день ездили с Чаловым. и Петькой. Там тоже встречали по высшему разряду, да и как могло быть иначе – первый зам. генерального, с гостями... Копченый хариус под пиво, жареный таймень под водочку... монголка-массажистка. Бассейн там побольше, раза в три. Да, и веники! А без веника, что за баня?

Дверь из толстого полупрозрачного стекла бесшумно открылась и в сауну зашла пара – он и она, оба голые. Высокий, спортивного телосложения, мужчина был явно старше своей спутницы, красивой брюнетки лет тридцати. Ничуть не смущаясь, а собственно чего стесняться, они взобрались повыше и довольно громко заговорили по-английски. А он, помимо того, что был поражен такой вольностью нравов, устыдился своей наготы. Ведь здесь, в отеле, они вполне могут встретиться, например, за завтраком... и как он будет смотреть в лицо этой даме , у которой сейчас вынужден смотреть на ее полную грудь, полные белоснежные бедра и на черные жесткие завитушки волос лобка. Вынужден, потому что оторваться от этого созерцания было выше его сил. Он чувствовал, как голое женское колено слева от его головы, как магнитом притягивает его взгляд, заставляет коситься туда, стараясь делать это скрытно и кратко. « К черту, многовато на сегодня эротических переживаний...» Когда в сауну вошел еще один – старик, он встал и перешел в другую комнату, в турецкую парную. Здесь он оказался в одиночестве и , наверное, был невидим в клубах пара, погруженный в них, как в густой туман. Но женская нагота, неожиданно увиденная и шокировавшая его, не позволяла сразу переключить мысли на что-нибудь иное. Ему вспомнилось другое прекрасное женское тело. В прозекторской. Он пришел на вскрытие какого-то хирургического больного, а на соседнем столе, на сером мраморе, лежала молодая женщина. Вряд ли он еще когда-нибудь видел такие совершенные пропорции, идеальные формы, она была лучше Венеры. Волнистые рыжие волосы... Никаких следов смертного тления , губы полуоткрыты. .. Ее еще не вскрывали, плоть еще не была изуродована. Стендаль был прав в выборе эпитафии к своей лучшей новелле. « А с ней что?» – спросил он патологоанатома. «Криминальный аборт» «Твою мать...Средневековье! Ведь ей не больше двадцати пяти, наверное» « Двадцать шесть». «Твою мать... Я даже не думал, что такое еще происходит в наше время»

« Ну, ты же не гинеколог, не сталкиваешься с этим, не знаешь их статистики.».

Когда он вышел из парной в коридор, то через открытый вход в комнату отдыха увидел так взволновавшую его женщину и ее мужчину. Они возлежали на топчанах, но уже завернутые в полотенца.

Вечером, направляясь на ужин в «Dominikaner Stube» , Серов наткнулся в галерее первого этажа на ту же компанию, что видел в мюнстере. И сразу узнал молодую даму в белой холщовой накидке. Остановившись перед картиной, группа оживленно обсуждала сюжет фрески. Среди них была и невеста в подвенечном платье; очевидно, они собирались отметить свадьбу в большом ресторане отеля. Несколько мгновений он опять полюбовался своей избранницей, и хотя это должно было быть ему безразлично, но порадовался, что это не она сейчас выходит замуж.

8

Главный бульвар заполнялся толпой туристов, приехавших ради интереса побывать на Floh Markt из близлежащих городов и даже пограничных стран. Блошинные рынки пользуются большой популярностью. В Шварцвальде самая знаменитая ярмарка проходит во Freudenstadt на ратушной площади, и туда тоже съезжаются толпы народа.

Заставленный самодельными лотками, бульвар стал вдвое уже прежнего. Вдобавок, на газоне были расстелены коврики, старые скатерти, рулоны бумаги, с разложенными на них раритетами. Владельцы этих старых вещей, не были продавцами в принятом смысле слова, их целью была не материальная выгода от продажи, а скорее желание рассказать о происхождении, истории этих предметов, узнать, что эти вещи нравятся еще кому-то, кроме них самих.

Мартин пришел на ярмарку вместе с Ханной. Слившись с толпой, они неспешно перемещались по бульвару, рассматривая старинные диковинки. Судя по всему, Мартин не был любителем антиквариата, и без особого интереса проходил мимо медной утвари, потускневших сервизов, статуэток, бытовых электроприборов сорокалетней давности, картин, книг... Но погода была хорошей, светило солнце и прогуляться по городу, взбудораженному таким небудничным событием, было приятно. Ханна никак не могла выбрать, что бы ей хотелось приобрести из увиденных вещиц, и Серов на свой вкус подарил ей одну из двух фарфоровых куколок, купленных у седовласой полной женщины с удивительно приветливой улыбкой. Куклы величиной с ладонь, одеты в плотные кружева, сплетенные вручную, одна – белая, другая чернокожая африканка. Негритянку он решил оставить для Верочки.

Между тем, ему надо было спешить – утром Инга предложила прокатиться с ней в Швейцарию, неподалеку от границы жил ее старый друг, которого она пригласила на обед в отель. Он – филолог, был ее преподавателем в годы ее студенчества в Цюрихе, и с тех пор у них сохранились дружеские отношения. По пути к границе Инга рассказала подробнее об этом господине. Его зовут Юлиус, сейчас ему восемьдесят четыре года. Очень интересный, широко образованный человек, дружил с Дюрренматтом, в доме висят подлинники Шагала. Холост и никогда не был женат, младший брат живет в Барселоне, до последнего времени Юлиус ездил к нему, в Испанию, на машине, сам за рулем, через всю Европу. Смешно получилось у нее, когда она сказала:

– Во время войны Юлиус дежурил на границе с пулеметом, направленным на Германию. Кстати, Вы знаете, почему Гитлер так и не напал на Швейцарию?

– Я полагаю из-за статуса банковской столицы мира.

– Нет, не это главное. Вермахт нуждался в оптике, которую поставляла Швейцария, прицелы для орудий, танков, самолетов... и оккупация нейтральной Швейцарии, помимо всего прочего, могла привести к проблемам в области вооружения.

До границы было рукой подать, город разделен на две части: немецкую – Констанц и швейцарскую – Кройцлинген. Остановившись перед погранпунктом, Инга вышла из машины и с паспортами подошла к окошечку контроля. Через несколько минут вернулась с крайне озабоченным видом.

– Как хорошо, что они обратили на это внимание! Вы можете ехать в Швейцарию, да. Но вернуться назад в Германию не можете – Ваша немецкая виза только с однократным въездом в страну. Хороши бы мы были, если бы укатали сейчас через границу... Но Вы не волнуйтесь, сейчас мы поймем такси и Вас отвезут в отель. Или... подождите меня здесь, я думаю, что через полчаса я вернусь, дом Юлиуса совсем рядом отсюда.

Серов предпочел второй вариант, и остался ждать возвращения Инги, сидя на лавочке возле пропускного пункта. Два рослых офицера-пограничника, вышедшие наружу из помещения, дружелюбно подмигнули ему, сочувствуя его проблеме. Ждать действительно пришлось недолго, в обещанное время ингино «вольво» пересекло государственную границу в обратном направлении. Рядом с Ингой на переднем сидении сидел худощавый, чуть сгорбленный мужчина, с заостренными чертами лица, с большими залысинами на седой голове, в очках с круглой роговой оправой, впрочем, довольно изящной. С первых минут общения этот человек вызывал симпатию, свойственную очень пожилым людям с хорошо сохранившимся интеллектом.

Обед был заказан в отдельном кабинете – *Bischofzimmer*. на первом этаже гостиницы. , Не слишком просторную комнату почти целиком занимал большой овальный стол, светлые стены украшали старинные гравюры и канделябры. Через стеклянную стену открывался вид на озеро и террасу с белыми зонтами и пальмами в кадучках. На этот раз мутти и Офелия составили им компанию, обе были одеты в белые костюмы и в этом наряде смуглая Офелия напоминала Серову куклу , лежащую сейчас у него в кармане пиджака. На господине Юлиусе был надет синий костюм, сидевший несколько мешковато на худых старческих плечах. особенно это становилось заметно, когда, произнося тост, он горизонтально вздымал согнутую в локте правую руку с бокалом вина. Прищуренные глаза из-под очков смотрели прямо и насмешливо. Впярясь в раскрытую книгу меню, Юлиус попросил официанта, принимавшего заказ, принести для него побольше хлеба

– Печально, но у себя дома я не имею достаточно хлеба – пожаловался он ему, разыгрывая из себя обездоленного старостью нищего.

Разговор шел на немецком. Кажется, Юлиус не одобрял намерение Инги покинуть Германию. Оба вспоминали какие-то забавные эпизоды из университетской жизни в Цюрихе, для мутти тоже было интересно услышать о похождениях своей дочери в молодости. «Завтра мы с г .Серовым .возвращаемся в Тюрингию.– сказала Инга – Надо закончить дела по продаже недвижимости и подготовить мебель к отправке. Есть еще одна проблема... Я окончательно решила лететь в Нью-Йорк из Цюриха, и нам надо будет продлить Вашу швейцарскую визу, Сергей.

– Вы из России? – спросил его Юлиус – Откуда?

– Из Петербурга.

– Никогда не был в России. Но слышал, конечно, что Петербург один из красивейших городов мира. Достоевский... Я читал его романы. «Карамазовы». «Игрок».

– У меня сложилось мнение, что на Западе из русских писателей только Достоевский вызывает интерес, об остальных наших классиках многие тут даже не слышали. Я уж не говорю о советских прозаиках, хотя многие из них по-настоящему крупные писатели.

– Не огорчайтесь. Это – мировая тенденция. Люди перестали читать, ни своих, ни чужих. Кому сейчас нужны свечи? Разве что в церкви...

Право выбора вина предоставили Инге, и она заказала белое вино местного происхождения – из Бирнау. Вино оказалось превосходным. В своем небогатом воображении Серов мысленно сравнил его с жидким хрусталем. Юлиус сказал, что в Швейцарии тоже умеют делать прекрасные вина, особенно в кантоне Валлис, откуда он сам родом. Валлис славится своими виноградниками, раскинутыми в альпийских долинах и еще ... «обилием дураков». «Да, да. Это наша географическая беда. Недостаток йода в пище ведет к врожденному кретинизму. По мне, как уроженцу этих мест, это, наверное, заметно?

Я хочу рассказать вам одну историю про моих земляков.... Однажды два крестьянина, жившие в горах, решили спуститься в долину, чтоб там, в городе, выгодно продать плоды своего сельского труда. Сели на мулов, навьючив их поклажей с медом и овощами и тронулись в путь. На базаре они очень удачно продали свой товар и решили вознаградить себя за труды посещением кабака. До позднего вечера просидели в заведении, наслаждаясь хорошим валлиским вином, не в силах оторваться от кружки. Но приближалась ночь, и надо было возвращаться домой. Ноги плохо слушались их, голова тоже. Кое-как они вскарабкались на мулов, предоставив бедным животным доставить их до дому , что мулы, повинаясь своему инстинкту и выполнили. Каково же было удивление этих мужиков, когда утром каждый из них обнаружил рядом с собой в постели жену своего приятеля! Как могло произойти такое? – Юлиус сделал паузу, в надежде, что кто-нибудь даст правильный ответ, и не дождавшись, ответил сам – Пьяные, они перепутали мулов, когда вышли из кабака, а те пришли каждый в свое стойло».

Больше всех над рассказанным анекдотом потешалась мутти, Офелия, плохо знавшая немецкий, тактично улыбалась, за компанию.

Серов спросил разрешения у присутствующих сделать несколько фото на память и когда вышел курить на террасу, сфотографировал сидящих за столом через стеклянную стену Bischofzimmer. «Как в телевизионном реалити-шоу «За стеклом» – подумал он, глядя на улыбающиеся лица своих друзей, позирующих ему для снимка с поднятыми бокалами в руках.

9

Как всегда, обратная дорога казалась менее утомительной. Даже Варяг, которого Инга все-таки взяла с собой, оставив Вербу с мутти и Офелией, не докучал своим присутствием и мирно дремал на заднем сидении. В пути Инге на мобильник позвонил маклер из Америки и сообщил, что дом полностью подготовлен к их приезду.

В Blankenheim приехали ближе к вечеру. Бросались в глаза безлюдные улицы, что было уже непривычным после запруженных туристами бульваров Konstanz, да и сама погода – какая-то серая, беспокойная, с пустым предзакатным небом как бы подготавливала встречу с опустевшим домом. Ворота в парк оказались открытыми, хотя Инга была убеждена, что запирала их. Дом встретил сумеречной пустотой, гулким звучанием их собственных голосов и шагов, и откровенной скукой. Понимая, что сегодня уже ничего к лучшему не изменишь, отправились спать.

Утром после завтрака сразу занялись обедом – Инга вызвалась пожарить баранину, а ему предстояло добыть хлеба. Магазины в воскресенье не работали, но хлеб можно было купить на бензозаправочной станции, идти до которой было довольно далеко. Еще в Констанце, гуляя пешком по городу, он стал замечать у себя боли в икроножных мышцах, и сейчас, пройдя метров пятьсот, почувствовал боль в ногах, заставившую его остановиться. «Переменяющаяся хромота? Приехали» Подспудно он всегда боялся появления этих симптомов, зная, какая у него слабая пульсация на артериях стопы и свою генетическую предрасположенность к атеросклерозу. Но он принялся успокаивать себя, что боли могли возникнуть от обуви, перед отъездом в Германию он купил новые летние туфли. «Хотя, кто его знает, может, и сосуды... Первый звоночек. У прадеда-то по папиной линии были ампутированы ноги. Курить надо бросать, а то тебе уже пачки в день не хватает. Врач. тоже мне.» Стараясь больше не обращать внимания на боль, он свернул на безлюдную улицу, полого поднимавшуюся на холм, где находилась бензоколонка.

После обеда Инге предстояло отправить несколько факсов. Ее основной рабочий кабинет располагался в цокольном этаже, и она предложила Серову взглянуть на ее «домашний офис». Кроме кабинета там находились помещения, приспособленные для хозяйственных нужд и большая комната, заставленная старой мебелью. Все предметы: и диван, и два кресла, и платяной шкаф с комодом, и складной стол – «Rauchentisch» были в хорошем состоянии, просто вышли из моды.

– Как Вы собираетесь распорядиться этим? Возьмете с собой в Америку?

– Нет, конечно. Придется все оставить здесь. Реализовать это, как Вы понимаете, невозможно. Хотя мне ужасно жалко расставаться с этими вещами. Особенно с этим дубовым шкафом и комодом, их делал еще мой покойный дядя. Такое у него было хобби – мастерить мебель.

– Вы знаете, мне пришла в голову нелепая мысль – как было бы хорошо, если была бы возможность забрать эту мебель себе, в Монголию.

Инга искренне обрадовалась – Это прекрасная идея! Как бы я хотела, чтоб эта мебель послужила Вам. Прекрасная идея. Вы можете взять и кухню, и холодильник, и пылесос... и

офисные стеллажи и столы. Я узнаю, сколько будет стоить транспортировка и , думаю, мы решим эту проблему.

« Значит вопрос о Монголии тобою решен, раз дело заходит так далеко? – спросил он себя. – Да, решен. Будь, что будет»

Ближе к вечеру приехала фура с грузчиками. Берлинская фирма, специализирующаяся на перевозках мебели по всему миру. Трое рабочих и четвертый – бригадир. За два дня они должны упаковать и загрузить все, что находится в доме. Ночевать и обедать будут здесь. При знакомстве поразил бригадир – он был не то что похож, а был точной копией звезды Голливуда Брюса Уиллиса, просто однояйцевый близнец. И так же улыбался, и так же шурился... Поразительное сходство.

Без раскачки дружно принялись за работу. Наблюдать за ними доставляло удовольствие – все продумано, для каждого предмета своя тара – для книг, для посуды, для люстры... Все действия доведены до автоматизма, конвейер.

На следующий день Серову пришлось выполнять обязанности отсутствующей Офелии – сервировать стол, мыть посуду после еды, таскать всякий хлам из подвала... За утренним кофе Инга сообщила ему, что цена перевозки мебели в Монголию – восемь тысяч долларов. Вся мебель не стоит такой суммы. Но есть еще вариант – в Монголию назначен новый посол, и она попробует связаться с ним и попросить его прихватить с собой мебель для известного русского врача-хирурга.

– Кстати, Сергей, Ваш мини-бар в отеле обошелся мне в 130 долларов.

Он почувствовал, как краска стыда заливает ему лицо. «Могла бы и промолчать, фрау... Не так уж и дорого. – подумал он, вспомнив , как горничная, сгибаясь от тяжести , выносила из номера мусорное ведро с пустыми бутылочками.– Ведь знает прекрасно, что я не могу возместить ей даже такой ущерб. У меня на все про все осталось долларов двести. Но вообще это что-то новенькое в их отношениях. Ну-ну, не будем придавать этому значения. В конце концов, она имела право обратить на это внимание, немка все-таки. Сказала-то беззлобно, в шутку».

Дом на глазах превращался в склад коробок, пластиковых свертков, ящиков перетянутых желтым скотчем с логотипом берлинской фирмы. Спали уже на полу. Поутру пришел еще один громадный фургон, но когда приступили к погрузке, у Серова возникли большие сомнения, что его вещи поместятся. Уже под завязку заполнили первую фуру, и во второй свободного пространства почти не оставалось. Он уже распрощался с мечтой заполучить мебель для будущей монгольской квартиры, но Брюс Уиллис сумел погрузить все, за что и был отдельно вознагражден Ингой.

Вечером пришел покупатель усадьбы – ничем не примечательный, коренастый мужик лет пятидесяти. По профессии – мясник .Своя свиная ферма в деревне, свой магазин .Попили чаю на террасе, используя оставшуюся садовую мебель. Узнав, что за столом сидит врач, гость обратился за профессиональным советом. У жены выявили синдром Гарднера – множественный полипоз толстой кишки. Что делать? «Видете ли – это предраковое заболевание. – объяснил Серов. – Возможно озлакоствление. Вообще, рекомендуется тотальное удаление ободочной кишки. Во всяком случае необходим эндоскопический контроль два раза в год» Почувствовав, что Ингу надо оставить наедине с покупателем, он извинился и попрощался с ними. Поднявшись на второй этаж, не стал торопиться укладываться спать и прошел в комнату мутти, двери в которую были распахнуты. Комната была совершенно пуста, лишь на полу лежал телефонный аппарат, еще не отключенный. Он сел на пол, снял трубку, и услыша зуммер, набрал свой домашний номер в России. Дома трубку взяла Вера.

– Привет! Это – папа из Германии. Как у вас дела?

Последовала некоторая пауза, после чего он услышал растерянный веркин голос – Я одна с Басей. Мама с Сашкой ушли в магазин.

Он мгновенно представил Верку, как ей пришлось взобраться на стул, чтоб дотянуться до телефона... Оставили одну дома, с собакой... Какой грустный у нее голос. Верка одна... он один в этой заброшенной сумеречной комнате на полу... Господи, как же он соскучился по ним. Он чуть не всхлипнул от навалившейся вдруг на него жалости и тоски.

– Скажи маме, что я через неделю буду в Америке.

– Они сказали, что скоро придут.

– Хорошо. Ну, пока.

– Пока.

Чего он так разволновался? Не первый раз Верку оставляли дома одну, не надолго, конечно. Он вспомнил, как первый и единственный раз забирал Верку из детского сада. Обычно ее забирала или Наташа, или Сашка. Тогда он тоже почувствовал какую-то беспричинную жалость при виде, как она сидит в углу детской комнаты с выцветшими обоями, с разбросанными повсюду игрушками, отдельно от ватаги других детей, и играет с куклами одна. Конечно, это ее одиночество в тот момент скорее всего было случайным, и не было никаких оснований полагать, что она не может найти общий язык с другими детьми, но он увидел в этом что-то закономерное, что-то общее с его собственным неприятием коллективизма и тоже с раннего детства. И нет в этом никакой гордыни. Просто они так устроены. Наоборот, попадая в коллектив, он всегда старался идти в ногу, быть таким же, как все, и очень боялся, что не сумеет быть на равных с другими. Верка не ожидала, что за ней придет папа и очень обрадовалась, увидев его. Быстро и прилежно собрала свой рюкзачок, подвела к своему шкафчику с одеждой, и словно желая продемонстрировать полученные в детском саду навыки, сама переобулась и надела комбинезон. Попрощались с воспитательницей и, взявшись за руки, вышли на улицу и пошли к машине, весьма довольные друг другом, просто тем, что они отец и дочь.

10

«Итак они едут в Дрезден. Оказалось, что именно там находится ближайшее консульство Швейцарии. Вот это повезло, так повезло. Через час он окажется в городе, в котором проводил все институтские каникулы, приезжая на лето к отцу. Это была вторая командировка отца в ГСВГ, первая в пятьдесят втором году. Тогда они жили в Гримме, отец командовал отдельным инженерным батальоном. Кстати, Гримма не так уж далеко от Дрездена, надо будет упросить Ингу заехать туда на обратном пути. Инга хочет вечером быть в Гере, встретиться с новой Pflegerin... вот и хорошо, это по дороге.

Инга сказала, что никогда не была в Дрездене, а он знает его, как свои пять пальцев. В те времена он любил его больше, чем родной Петербург. Они жили в районе, который назывался Waldschloßchen, так же назвалась и небольшая улица, где стоял их дом. Улица спускалась прямо к берегу Эльбы, а это был огромный луг, тянувшийся на несколько километров. Горожанам разрешали там иметь крошечные садовые участки, но все равно эти огороды, обнесенные рабис-сеткой, занимали лишь небольшую полосу берега и в основном это был голый зеленый луг. Направо открывался вид на исторический центр города, на мост Августа, а налево на высокий холм, за которым, изгибаясь, скрывалась Эльба.

Каждый год, в каждый свой новый приезд на протяжении четырех лет, у него завязывался новый легкий роман с какой-нибудь девушкой, приехавшей, как и он, на каникулы к своим родителям. В первый год это была дочь командарма – Ольга. Он тогда устроился санитаром в операционную армейского госпиталя, проходил практику, положенную после первого курса, и чуть не сгорел от стыда, когда на второй день их знакомства Ольга неожиданно нагрянула к

нему в госпиталь, на черном служебном ЗИМе отца с шофером-ординарцем. Эхо этого визита еще долго звучало в среде офицерских жен, как в каком-нибудь полковом гарнизоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.